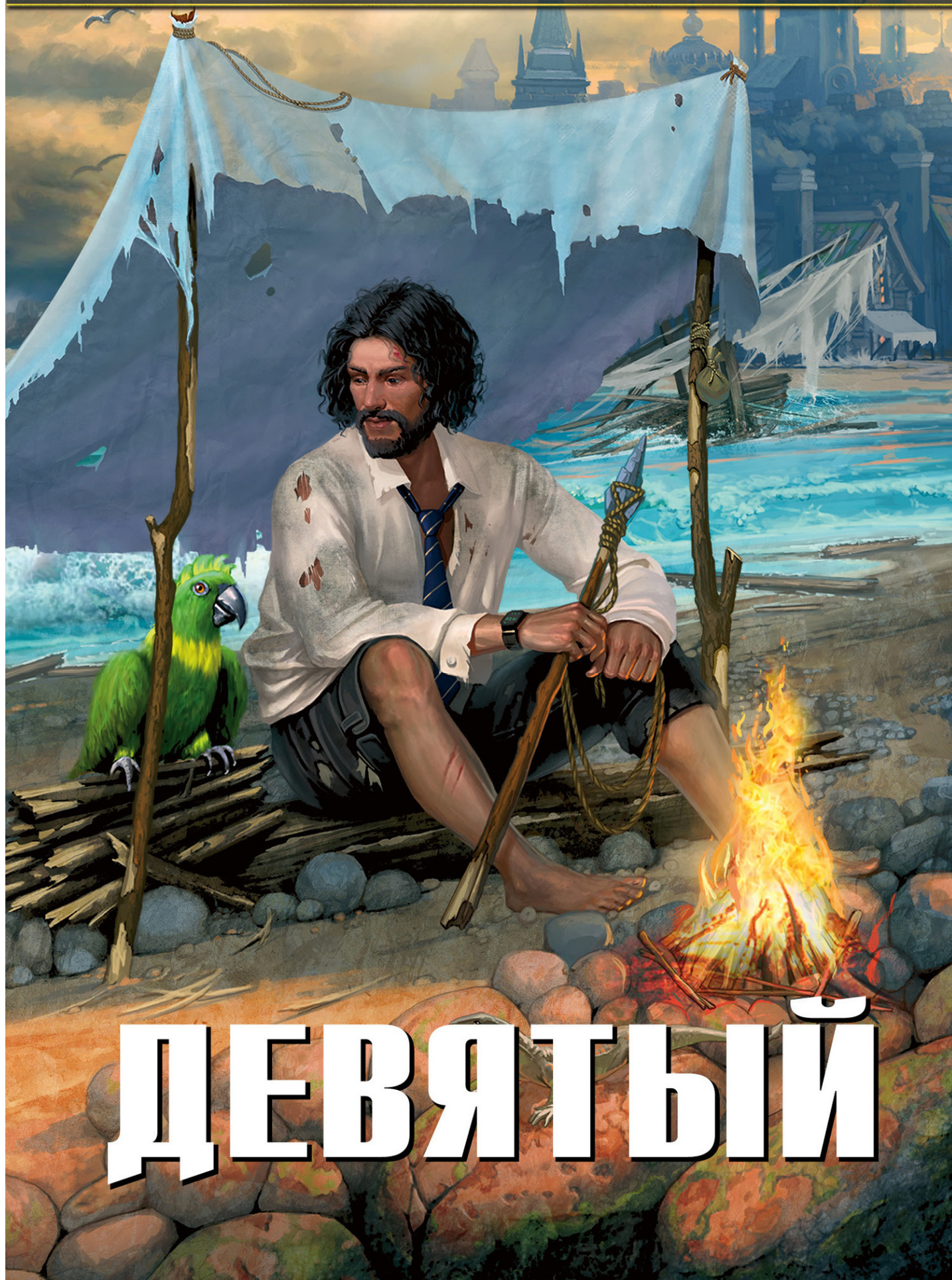




НФБ: МИРЫ АРТЕМА КАМЕНИСТОГО

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ



ДЕВЯТЫЙ

Девятый

Артем Каменистый

Девятый

«ЭКСМО»

2011

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Каменистый А.

Девятый / А. Каменистый — «Эксмо», 2011 — (Девятый)

ISBN 978-5-04-098392-6

Смертный приговор, вынесенный Данилу медициной, не оставил ни малейшей надежды на спасение. Что делать? Провести остаток жизни в пьянстве и бессмысленных развлечениях или принять предложение незнакомца проникнуть в параллельный мир, где обрести новое тело и шанс на выживание? Выбор труден, особенно если учесть, что восемь предшественников Данила погибли лютой смертью. Ну что ж, а вдруг Девятому повезет?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098392-6

© Каменистый А., 2011
© Эксмо, 2011

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	28
Глава 4	39
Глава 5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Артем Каменистый

Девятый

Пролог

– Вулканическое стекло на первый взгляд не слишком похоже на оконное, но свойства, наиболее для нас интересные, у них аналогичны. Взгляните вот на этот осколок – видите, какая здесь кромка? При желании можно выбраться или, что иногда бывает гораздо полезнее, перерезать чье-то горло. Можно освежать добычу и раскроить звериную шкуру. Много чего можно; главное – не забывайте, что камень не сталь. Тем более стекло, увы, это слишком хрупкий материал, нуждающийся в нежном обращении. Один неловкий нажим – и вы останетесь без своего обсидианового ножа, да еще и рискуете заработать травму. Любой, даже пустяковый, порез в условиях дикой местности угрожает немалыми неприятностями. Особенно если повреждены руки: держать их в чистоте постоянно у вас не получится и рана почти неминуемо запачкается. Нагноение, заражение крови, омертвление тканей, газовая гангрена – все эти приключения вы можете заработать, всего-навсего излишне надавив на инструмент из вулканического стекла. Кстати, не пытайтесь из первого найденного обломка создать что-либо серьезное. Вы, увы, не древний человек, искусство работы с камнем для вас великая тайна. И не только для вас: человечество потеряло немало полезных знаний той эпохи. Кроманьонец мог изготовить такой вот нож парой уверенных ударов, а вы этого повторить не сможете. Попытайтесь брать пример с далеких предков – обязательно заработаете порезы и ушибы пальцев, про возможные последствия уже знаете. Не суетитесь, там, где обнаружился один подходящий образец, обязательно найдется еще немало качественного сырья. Безжалостно разбивайте все, не забывая про технику безопасности – осколок в роговице вряд ли вас порадует. Таким вот разрушительным методом вы обязательно создадите несколько обломков, годящихся на роль заменителя ножа. Ни о чем более сложном и не мечтайте. Выбросьте из головы разный бред о наконечниках на стрелы и копья. Полноценного наконечника вам не создать – научить этому за столь короткий срок я не смогу. Да и вряд ли кто сможет... Если уж вам обязательно это потребуется, используйте кость. Копье и вовсе сойдет деревянное, главное – найти подходящую сухую палку. Обжигать ее на костре, как упорно советуют в низкопробных пособиях и художественной литературе, не спешите: если древесина действительно подходящая, то вы рискуете испортить ее трещинами или даже сжечь. Не стоит эстетствовать: правильно обструганное каменным ножом острие в дополнительной обработке не нуждается. Кстати, из хорошей древесины и наконечники для стрел можно вырезать. Разумеется, речь не идет о серьезном оружии, но для мелкой дичи вполне достаточно. Стучите-стучите, не жалеите камней. Все эти образцы принесли сюда с одной целью: расколотить вдребезги. Теория – это хорошо, но с практикой она усваивается лучше. Кстати, насчет практики, завтра вас вывезут в лес, и я вам на местности покажу, где и как можно добыть качественную древесину. Это не так просто, нам ведь надо работать с сухой, но нетрухлявой. Опытный человек сможет заметить такое сырье издалека, а наша задача – сделать из вас именно такого опытного человека.

Я до сих пор не знаю имени-отчества этого старика. И вряд ли узнаю. Моих данных ему, очевидно, тоже не стали сообщать. Друг друга мы при встрече называем просто: Здравствуйте. А встречаемся мы в последнее время часто – каждый день. Обычно он возится со мной с обеда почти до ужина, терпеливо и в доступной форме обучая множеству странных вещей. От него я узнал, чем съедобный бычок отличается от морского дракончика¹, как обрабатывать нижние

¹ Морской дракончик – ядовитая рыба.

венцы избы прокисшей мочой и как из стирального порошка, золы, электролампочки и банки томатной пасты «Чиполлино» сделать дымовую гранату. Насчет томатной пасты его, конечно, слегка занесло – вряд ли ее ТУДА поставляют.

Хотя мало ли... такие знания – вещь в себе – могут пригодиться самой концепцией, а не точностью рецептуры. Старый Здравствуйте с первого дня упорно вбивает в мою голову «Scientia potentia est»². Я вообще-то сразу с ним согласился, но он, похоже, до сих пор не верит – думает, что неблагодарный ученик мастерски скрывает свой скептицизм.

Интересно, в какой пустыне палеонтологи выкопали этого динозавра? Глядя на него, я начинаю догадываться, кто научил кроманьонцев шлифовать кремневые топоры о куски песчаника и распиливать нефритовые валуны с помощью веревки. Дай ему возможность – он и меня научит вырезать из вулканического стекла разнообразные пыточные инструменты. Вот только нет у него такой возможности, отпущенное время не позволяет развернуться во всю ширь. Меня ведь надо успеть научить многому... очень многому... До обеда тренируют плевками сбивать страусов на лету и потрошить морских черепах заточенным сибирским валенком; после обеда приходит седобородый Здравствуйте со своим неизменным тоскливым взглядом старой мумии и каким-нибудь очередным доисторическим девайсом под мышкой.

К вечеру, разумеется, я должен обязательно научиться делать аналогичные девайсы с завязанными глазами левой рукой на бегу под артобстрелом. Помешать этому может лишь одно – очередной затяжной приступ. Тогда мне делают укол и дают немного отдохнуть. Час-два, не больше.

И так каждый день, вот уже два с половиной месяца. Не научит он меня искусству кроманьонцев – времени не хватит. Я не про его время говорю: у него впереди вечность – такие личности бессмертны. А у меня, увы, вечности не предвидится – мне осталось жить недолго.

Может, месяц, может, два... Если повезет – три-четыре. Мне двадцать девять лет, и до тридцати я не доживу – умру в окружении безымянных людей.

И сам я такой же безымянный – имен у «номеров» не бывает.

Еще недавно оно у меня было. Достаточно редкое. Я был Данилом, Данилой, Даном – как только мое имя не извращали.

А теперь меня зовут просто – Девятый.

² «Знание – сила» (лат.).

Глава 1

Параллельная медицина

Вы вполне преуспевающий человек, вас не обременяют старость и болезни, не беспокоят серьезные личные проблемы, на жизнь вы посматриваете с оптимизмом. И вообще, она у вас расписана далеко вперед и серьезные отклонения от плана не предвидятся. А вы тут внезапно узнаете, что все не так. Совсем не так... Вам оставляют лишь прошлое – будущего больше нет.

«Вы скоро умрете».

Интересно узнать: что будет дальше? Я вот сегодня узнал. Сам себе удивился – всю силу воли пришлось собрать, чтобы не растянуть рот в слюнявой клоунской улыбке. Классический психологический шок с парадоксальной реакцией. Сознание, спасая себя, способно на многое, в том числе и на самое идиотское поведение. Ему защищаться приходится – такая деструктивная информация сама по себе зло, способное убить быстрее неизлечимой болезни.

С подобными вещами не шутят, врач это очень серьезно сказал, а ему стоит доверять. Ведь к кому попало я не пойду – к здешнему светилу медицины пробился по очень серьезному знакомству. И приняли меня тоже очень серьезно: обследование на полторы недели затянулось, и вовсе не из-за местного разгильдяйства. После такого в случае положительного результата принять в космос запускать – готов.

Только у меня вот результат оказался ни разу не положительный – этот мордатый эскулап прямым текстом посоветовал мне поспешить заключить договор с работниками кладбища.

– Доктор, я не совсем понимаю... Вы не ошиблись?!

Ну и голос, сам себе противен. Будто застенчивый малолетка, страдающий от пивного похмелья и мечтающий с помощью родственного попрошайничества получить очередную порцию карманных денег. А вместо этого – отцовская фигура и широкий ремень с тяжелой пряжкой...

– Увы, сомнений быть не может. Мы перепроверили несколько раз, связались с Торсоном, передали ему данные обследования, и он подтвердил наши выводы. Мы, конечно, можем повторить, но надежды на ошибочный диагноз нет – все перепроверено несколько раз, различными методиками. Знаете, у нас не принято сообщать пациенту такое – всю правду говорят лишь родственникам. Но вы сами попросили ничего не скрывать в самом начале. Возможно, это просто бравада была – не ожидали такого результата. В любом случае мне жаль. Очень жаль...

Ага, жаль ему. За такие деньги мог бы и слезу пустить. Родственникам он, видите ли, сообщать должен, а пациенту – молчок. И где ты родственников моих видел? А? Не было их здесь.

И не будет...

– И что – лечение невозможно? Вообще никак? Даже при СПИДе, насколько я знаю, уколы делают и таблетки дают.

Что за бред я несу, да еще и таким заискивающим голоском, все более себе противен становлюсь... Никогда так не унижался, все же врачи – зло в чистом виде: даже меня довели.

– СПИД известен достаточно давно, а синдром Торсона-Мактрауэра впервые диагностирован два года назад. В русскоязычной литературе он до сих пор не описан, да и в англоязычной не так уж много информации. С болезнью еще только начинают работать. Сведений очень мало: фактически все, что есть, – это жертвы. Люди умирают. Неизвестны причины заболевания, нет данных о начальной стадии – человек приходит к нам слишком поздно, когда симптомы начинают его серьезно беспокоить. Есть лишь теории: бактерия-возбудитель; генетические дефекты; иммунная реакция на грибковое поражение. Но все это по большей части пустые

домыслы – полной клинической картины нет. И неизвестно, когда будет. Болезнь редкая, диагностировать ее непросто. Обратись вы в обычную провинциальную больницу, вам бы в итоге поставили диагноз «глиома»³ или что-нибудь другое, столь же неверное. Хотя, по сути, врачи были бы формально правы. В случае с тем же СПИДом человек умирает не от ВИЧ-инфекции, а от болезней, которые развиваются при поражении иммунной системы. Так и в случае синдрома Торсона-Макграуэра: опухоли мозга возникают как следствие. И пациент умирает именно от них.

Врач из колеи меня, конечно, выбил серьезно, но ненадолго: я не из тех людей, которые сдаются сразу, и прихожу в себя очень быстро.

– Хорошо, болезнь эта ваша неизлечима. А сами опухоли? Если бороться с непосредственной причиной смерти?

– Здравая мысль, но, увы, в вашем случае это не сработает. Опухоль, конечно, серьезно запущена, но небезнадёжна. Химиотерапия, бывает, помогает и в более сложных случаях, а как крайнее средство остается операция. Ни первое, ни второе не спасет вам зрение: зрительный центр серьезно поражен. Собственно, из-за проблем с глазами вы и оказались на обследовании. Хотя полностью тут что-то гарантировать невозможно – все бывает. Возможно, зрительные функции частично сохранятся. Но даже при стопроцентно положительном результате в лучшем случае получите лишь отсрочку, причем короткую – опухоль вернется, и не одна. Синдром Торсона-Макграуэра никуда ведь не уйдет. Традиционные методы лечения подобных опухолей приводят к парадоксальному результату: врачи, покончив с одной, вскоре сталкиваются с развитием новых, причем многочисленных. Это очень удивляет – ведь до операции или окончания курса химиотерапии метастаз не наблюдалось. Собственно, так и открыли синдром Торсона-Макграуэра – по странной клинической картине у благополучно прооперированного больного.

– То есть если эту штуку в моей голове вырежут или задушат химией, то через неделю появится десяток новых?

– Если утрированно, то да. И что хуже всего – это конец. Химиотерапией злоупотреблять нельзя – повторный курс в таком случае просто убьет больного; радиотерапия здесь тоже неуместна; прооперировать такое количество опухолей можно лишь у трупа. У нас не останется способов продолжать борьбу. Но даже если – теоретически – с ними расправятся, это ничего не даст: новообразования на последнем этапе возникают непрерывно. По сути, они поражают весь мозг, и мы не знаем, как остановить процесс. Даже имей мы дело не с мозгом, а, допустим, с кишечником – все равно безнадежно. Просто в какой-то момент чуть ли не все клетки начинают перерождаться в раковые. Я опять утрирую, чтобы вам было понятнее.

– Спасибо, понял. Вы сказали: традиционные методы лечения. А как насчет нетрадиционных?

– Ну... вы можете обратиться к бабкам-шептуньям, поискать великих магов всея Руси по объявлениям в газете или съездить к каким-нибудь эскимосским шаманам, прочитав в Интернете, что они лечат все что угодно пометом белых медведей и мясом беременных тюленей. Некоторые отправляются на Филиппины, к тамошним хилерам – они опухоли голыми руками вытаскивают без наркоза.

– А помогает?

– Скажите: вы богатый человек?

– Ну... скажем так, не совсем уж бедный. Кое-что есть.

– Я вам гарантирую, что ничего они вам не оставят. Нет, не подумайте. Я на ваши капиталы не посягаю. Не потому, что вы попали ко мне не с улицы. Про врачей много плохого говорят, но поверьте – мы не такие уж злодеи.

³ Злокачественная опухоль головного мозга.

– Вы хотите сказать: не все врачи злодеи?

– Можно и так сказать, – легко согласился мой судья.

– Так, значит, вы не рекомендуете нетрадиционные методы?

– Запретить я вам ничего не могу. Только не поможет это ничем. Так что если вы не горите желанием финансово облагодетельствовать незнакомых вам мошенников – не связывайтесь. Вы просто отдадите им все свои деньги.

Деньги?! Да на кой они мне теперь нужны, эти деньги. Тут я пришел в себя настолько, чтобы немножко (самую малость) повысить голос:

– Значит, вы мне помочь ничем не можете, но и к конкурентам не отправляете? И что мне остается? Ехать к морю?⁴

– Знаете, не самая худшая мысль.

Вот теперь я окончательно понял: будущего у меня нет. Врач не имеет права так отвечать. Он обязан бороться за меня до последнего. Господи, да они же клятву дают! А он тупо отпускает меня к морю и даже на деньги мои не зарится. Совестно, наверное, грабить покойника.

Это конец...

В глазах потемнело, грудь сдавило нервным спазмом, удобное, самое устойчивое во вселенной кресло поплыло, накатываясь на спину. С трудом догадался поднять руку, предостерегающе помахать пальцем напрягшемуся доктору.

– Спокойно, это не приступ. Извините, просто накатило. Наконец накатило. Дошло...

– Понимаю.

Да что ты понимаешь...

– И как... как это будет происходить?

Врач чуть подумал, затем деловито приступил к подробностям:

– Приступы начнут учащаться. В конце концов вам придется лечь в клинику под наблюдение. Но еще до этого я выпишу вам кое-какие лекарства. Нет, они не лечат, просто смягчают симптомы, да и помогут бороться. Это недешево обойдется, но не советую «ехать к морю» без них.

– Сколько?

– Простите, я не могу знать цены, это лучше в аптеке...

– Сколько мне осталось?! Ну?!

Доктор впервые засуетился, чуть подрастеряв свой апломб:

– Ну... если... Вы понимаете – здесь невозможно установить точный срок. Приходится использовать статистические данные, отталкиваясь от них, но при одинаковой симптоматике различия в течении болезни у разных пациентов могут быть...

– Сколько приблизительно?!

– Синдром Торсона-Макграуэра открыт недавно, и статистика по нему...

– СКОЛЬКО?!!

– Простите. Три-четыре месяца гарантировать могу. Возможно, до полугода. В принципе организм у вас молодой и крепкий, да и про лекарства не стоит забывать... Знаете – может, и больше удастся. Но ненамного. Слишком уже все плохо...

– Эти полгода или три месяца я смогу прожить полноценно или улыбающимся овощем под капельницей?

– Приступы, как я уже сказал, будут учащаться. Возникнут серьезные проблемы со зрительным центром. Прогнозировать процесс трудно: к примеру, вы можете перестать распознавать печатный текст. Внезапная полная слепота тоже не исключена. Если не повезет, это может произойти в любой момент, достаточно скоро. Но настоящие проблемы начнутся на послед-

⁴ Речь идет о знаменитом фильме «Достучаться до небес». Один из героев, узнав от врача о том, что жить ему осталось недолго, спешит осуществить свою заветную мечту – увидеть море.

ней стадии – это приблизительно треть оставшегося срока. Вам понадобятся обезболивающие. Очень сильные обезболивающие. Знаете... – Доктор понизил голос. – Некоторые пациенты переходят на тяжелые наркотики, покупая их на улице. В нашей стране закон таков, что полноценное обезболивающее для вашего случая в аптеке приобрести не получится. Правоохранительная система позаботилась о том, чтобы наркоман не смог купить в киоске дозу серьезной дури, но при этом не подумала о таких случаях, как ваш. Я ничего не советую, просто имейте в виду.

– Весело... Спасибо.

– Сейчас я выпишу рецепт – не забывайте принимать вовремя. В остальном даже не знаю, что вам еще посоветовать и рассказать. Вы взрослый человек и очень достойно восприняли это. Надеюсь, ваше «море» тоже окажется достойным, а то я на всякое посмотрелся... И в любом случае держите со мной связь, когда придет время, я помогу с клиникой. В принципе можно все устроить и на дому, но придется оплачивать услуги медсестер.

– Господи, сдохнуть дома – теперь платно...

– Простите, но...

– Не обращайтесь внимания, это я так шучу. Понимаю, что не очень смешно...

– Так и держитесь – не раскисайте. Я многих в этом кресле повидал, в том числе и таких, как вы. Я о ситуации. У вас хорошая реакция. Мне жаль...

Достал жалеть. Уже давно хотелось выйти из этого просторного кабинета. Он меня давить начал. Для кого и кабинет, а для меня залом судебным оказался.

Приговор вынесен – подсудимого можно выводить...

* * *

Уже в коридоре догнала медсестра. Или секретарь – не знаю, как правильно. Мне она бумажки заполняла, когда на обследование пришел в первый раз. Строгая конопатая пышка – при ее внешности строгость выглядела неестественной. Видимо, долго за мной гналась – глаза уже как чайные блюдца, а в плечо вцепилась, будто кусок мяса вырвать хочет. Похоже, я ее за собой тащил, не замечая ничего вокруг. Ну, накрыло меня сильно: извините, любезная, денек неудачный выдался.

– Вас тут видеть хотят.

– Так пусть смотрят.

– Простите?

– Хотят видеть – пусть смотрят. Не возражаю.

Откуда-то сбоку выплыл ничем не примечательный человек. Я бы даже сказал – эталонно непримечательный. В нем было идеально непримечательным абсолютно все, и это в целом образовывало личность, на которой не способен задержаться взгляд. Возраст – от пятидесяти до девяноста, ростом не низок и не высок, плечи не узкие и не широкие, лицо простое, как некрашенная миска, взгляд непонятен из-за невозможности его поймать. Идеально выглаженный костюм единственно выбивался из шаблона – он должен быть непременно чуть помятым. Самую малость.

– Простите, Данил, вы не могли бы уделить мне несколько минут?

– У меня нет времени.

– Я знаю, но все же поищите.

Не сдержал невеселой улыбки:

– Вы даже не представляете, насколько у меня его нет.

– В этом как раз ошибаетесь – прекрасно представляю.

Знает? Откуда? Врач рассказал? Вот же козел... А зачем рассказал? Задумал что-то мутное? Говорит, что на мои деньги не зарится, а сам медсестер подсовывает в платные сиделки и хмырю непонятному сдает мою историю... Зачем?

Моя дрессированная жаба, моментально насторожившись, подсказала неутешительный ответ: передо мной стоит тот самый эскимосский шептун с мешком животворных экскрементов беременного шамана и удивительным даром, с помощью которого он может удалить все мои деньги без наркоза.

Жабу было немного жаль – она до сих пор не поняла, что деньги хозяину уже не помогут. Старается, беспокоится, будто в былые славные деньки.

– Вы – врач?

– Не совсем. Я...

– Понятно, давайте я пойду дальше, а вы останетесь здесь ожидать интеллектуально ограниченного пациента, который способен клюнуть на ваше заманчивое предложение. Предпочитаю сдохнуть по-простецки, а не от рук шарлатанов.

Внешность у меня недобрая, юношеское увлечение тяжелой атлетикой и боксом оставило неизгладимый отпечаток, сказано все было суровым голосом смертника, которого уже невозможно напугать статьей 111⁵. Но незнакомец почему-то не убоился – растянул губы в надежде изобразить улыбку, выказывая при этом не больше эмоций, чем замороженный питон.

– Я не шарлатан и, если откровенно, к медицине вообще не имею ни малейшего отношения. У меня к вам есть предложение. Деловое предложение. Возможно, вас оно заинтересует. И могу гарантировать – на ваши несметные капиталы, а именно: дорогая квартира, подержанная машина и не слишком впечатляющий банковский счет, – я не посягаю. Наш разговор будет бесплатен. – Опять все та же пародия на улыбку.

Жаба завизжала дурным голосом: «Хозяин! Беда! Все пропало! Он знает! Даже про счет в банке знает! А когда говорят «бесплатно» – это в итоге всегда оказывается очень дорого!»

Ну точно врач сдал – я ведь сам перед обследованием анкету заполнял... удивлялся еще вопросам про имущество. Хотя о банковском счете там ни слова не было... Ох и дурак я! Раз есть кредитка, значит, и счет имеется – не надо быть великим гением, чтобы догадаться!

– Ну так что? Поговорим?

А почему бы и нет! Если, выходя из кабинета, я не хотел никого видеть, то сейчас какая-то бесшабашность накатила: будь что будет. Послушаю этого афериста, возможно, меня это позабавит.

Но глубоко в душе тлел слабовольно-предательский огонек надежды на чудо. На ошибку врачебную, на внезапно изобретенное лекарство или пусть даже на такого вот подозрительного субъекта, способного хоть чем-то помочь. И ведь прекрасно понимаю, что мошенник, а остановить себя не могу.

Мне ведь уже нечего терять...

* * *

Незнакомец, представившись редким именем Иван, предложил переговорить в машине. Отказываться я не стал и благодаря этому получил порцию озадаченности: у автомобиля оказался классически казенный вид. Не ассоциируется подобный транспорт с мошенниками. Когда сел, затрезвонил телефон:

– Дан! Привет! Ты где?

– Привет, Миш, у врачей я...

– Ну как там твой простатит? Лечат?

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации. Статья 111. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью.

– А как же.

– Ватка-йод – мажут? Гы-гы-гы!

Миша – истинный друг, способный ради меня асфальт грызть, но вот человек уж очень простой, и юмор у него соответствующий.

Видимо, что-то почувствовав, тот решил немного исправиться:

– Не, Даня! Я серьезно – как там у тебя дела?

– Да ничего хорошего пока. Сказали, что у меня синдром Дауна.

– А без врачей не знал? Ты это, лечись.

– А как же – ватка, йод.

– И ты это, быстрее давай там развязывайся. Дело есть на миллион. Тут такая тема...

Не по телефону.

Все темы у Миши были однообразно полузаконными, из-за чего он пару раз сидел, причем один раз сидеть нам пришлось вместе. Недолго, и только в следственном, но мне почему-то не понравилось.

– Завтра, Миш, все завтра. Сегодня не до дел мне... уж прости.

– А вечером? Можем к Таньке закатиться – она уже неделю на мозги капает.

– Давай не сегодня.

– Ну ладно, тогда отбой, пока. – Мишка на удивление покладисто себя ведет – обычно он бывает гораздо назойливее... Видимо, даже по телефону догадался, что со мной не все ладно.

– Извините. – Это я уже Ивану: толика вежливости никогда не помешает, особенно при моей не слишком интеллигентной внешности.

– Ничего, мне торопиться некуда.

Да уж... а вот у меня со временем...

– Ну давайте. – Я покорно вздохнул. – Расскажите о своем чудо-способе лечить таких смертников, как я.

– Я разве говорил, что хочу вас вылечить?

– А разве вы затеяли этот разговор не для того, чтобы предложить мне «почти бесплатно» испытать на себе секретное лекарство атлантов, способное удалять перхоть и раковые опухоли? Вы ведь хотите меня спасти от скорой смерти, причем почти бескорыстно...

– Ох и фантазия у вас... Увы, должен разочаровать. У меня нет этого вашего «лекарства атлантов». Сомневаюсь, что вам вообще удастся найти подобные медикаменты. Насколько я понимаю, приблизительно через полгода вы умрете. И этого, увы, избежать невозможно. Ваша болезнь убивает безотказно – спасения от нее нет. Хорошо, что она очень редкая и незаразная. Вы даже не представляете, насколько редкая – патологоанатомы будут драться за право делать ваше вскрытие.

Жаба, напрягая свой крошечный мозг, зажмурилась до хруста в черепке – судорожно пыталась понять, как именно нас с ней собираются облапошить. Похоже, с простым вариантом я немного погорячился: задумано что-то многоходовое.

Хотя...

– Дайте догадаюсь... Вам нужны свежие сердце и левая почка, чтобы пересадить их своей умирающей прабабушке? Надо будет что-то подписать и у моего смертного одра будет дежурить мясник с тесаком?

– Мне не нужны ни сердце ваше, ни почка, ни иные органы.

– Понятно. Значит, вы регулярно общаетесь со своей канарейкой и она попросила через меня передать письмо Сатане?

– У меня нет канарейки.

– У вас имеется пустующий шкаф и вы хотите хранить в нем мой скелет? Вы решили пригласить меня на смертельное шоу «Смертники небоскребов: прыгни с крыши – поцелуй

асфальт»? Вы – патологоанатом, коллекционирующий автографы своих... гм... пациентов. Или тайный некрофил и любите начинать знакомство еще при жизни избранников?

– Браво.

– Что? Я догадался?!

– Нет, мне все больше нравится ваша фантазия. Для человека, только что узнавшего о смертном приговоре, вы мыслите очень уж здраво и быстро, да и чувство юмора никуда не пропало. Похоже, я не ошибся – с вами действительно стоит поговорить. Такие, как вы, нам и нужны.

– Ну так расскажите сами, для чего. Я уже устал гадать, да и настроение сегодня что-то не очень... не располагает к шуткам.

– Хорошо, начнем. Вы знакомы с понятием «параллельные вселенные»?

– В принципе немного понимаю, о чем речь.

– Я поясню подробнее. – Вырвав листок из блокнота, Иван заговорил тоном лектора: – Представьте, что это вселенная. Маленький мирок, в котором есть ширина и длина, но нет высоты. Примитивная модель двумерного континуума. И этот мирок парит в нашем трехмерном пространстве. В нем имеются жители, которые пятнами ползают по этому листу, не замечая нас с вами: их органы чувств не воспринимают того, что удалено от них по высоте. И вообще, мировоззрение простых обывателей этого мира не позволяет предположить подобных вещей. Берем второй такой же листок. Он ничем не отличается по свойствам от первого, и, предположим, в нем имеются свои жители. А теперь располагаем один листок над другим, параллельно. Видите? Между ними миллиметры, но жители друг друга не замечают. И вообще не подозревают о существовании других миров – все, что отделено по высоте, недоступно для их понимания. Максимум, на что они способны, – допустить теоретически существование параллельной вселенной и пытаться разработать способы наблюдения за ней или даже проникновения. Вы меня понимаете?

Неожиданный вопрос заставил встрепенуться. Нет, я не был увлечен заумными пояснениями, но вот поведение Ивана удивляло. Начав возню со своими листочками, он на глазах преобразился – знаменитый взор Эйнштейна, уставившегося на свой волчок; дрожащие руки Франкенштейна, опускающие медный рубильник для замыкания цепи оживления монстра; вмиг растрепавшиеся волосы, пытающиеся изобразить прическу «сумасшедший профессор». Будто ребенок, заполучивший желанную игрушку.

Он, похоже, действительно псих – на листочках блокнотных свихнулся.

– Да, понимаю. Я в школе почти без двоек учился – не совсем дурак. Но я не понимаю, зачем вы мне рассказываете все это.

– Представьте, что существуют миры, параллельные нашему. Трехмерные миры.

– Легко. В миллиметре от меня сейчас пробегает девятилапый овцеящер с оранжевой бронешкурой. Я его не вижу – не способен через четвертое измерение заглядывать; он меня, соответственно, тоже, из-за чего сегодня останется голодным. Последнему обстоятельству я очень рад, но все равно не понимаю, зачем мы это обсуждаем. Знаете, у меня действительно проблемы со временем.

– Хорошо, сокращу теоретическую часть до минимума. Параллельные вселенные существуют. Это не фантастика, а доказанный факт. Не все так примитивно, как в описанных мною моделях, но общую концепцию вы должны были уловить.

– Да понял я... понял. И даже слово «континуум» почти запомнил. Я очень рад очередному торжеству науки, и на этой оптимистичной ноте вы наконец объясните, чего вам от меня надо.

«Сейчас скажет, что у него не хватает денег на постройку пепелаца в мир девятилапых овцеящеров». – Жаба не расслаблялась.

– Понимаете, само по себе открытие параллельных вселенных – это ничто без возможности путешествовать по ним. Мы уже научились создавать проколы континуума, но увы: чтобы, используя наши технологии, послать через них человека, не хватит всей энергии нашей вселенной. Это если живого человека... Но есть варианты.

Глава 2

«Доброволец» № 9

– Итак, перенос прошел успешно. Теоретически предполагается, что скорее всего носителем окажется детское тело с неразвитой личностью – практически нулевая информационная матрица. Идеальный для вас вариант, не грозящий серьезными проблемами. Но предположим, произошел сбой или теория все же не без погрешностей. Вы оказались в зрелом носителе. Взрослый человек с личностью, чуждой этому миру. Без знания законов, языка, элементарных правил поведения. Ваши первые действия?

Сегодня после жизнерадостного господина Здравствуйте со мной занимается единственный здешний сотрудник с именем – тот самый Иван. Подозреваю, что он такой же Иван, как я Девятый. Ну да ладно, чего к мелочам придирааться. Нравятся мне его лекции. Точнее, не лекции – что-то вроде бесед. Но беседы непростые, в них мне дозированно выдают интересную информацию. Предпочитают делать это не прямо, а наводить на правильные ответы. До многого приходится догадываться самому – не без ошибок, конечно же; кое-что говорят в лоб, без намеков, но всегда в правильный момент – для полноты усвоения. Мне ведь приходится запоминать очень многое – ТАМ заглянуть в шпаргалку не получится.

Неординарный человек и от меня добивается нестандартных ответов. Всерьез решил сделать из своей подопытной морской свинки покорителя параллельных вселенных. Недавно целую гору книг притащил мне в «келью». Художественных книг. Во всех сюжет абсолютно одинаковый: герой или несколько героев попадают в другой мир или время, после чего начинают там чем-нибудь заниматься.

Книги было велено прочесть, ознакомиться с их обсуждением в Сети, усвоить полученный материал, после чего – отчитаться. Похоже, наступило время отчета.

– Первым делом я встану.

– Вы предполагаете, что окажетесь там сидя или лежа?

– Это логичнее всего – ведь в голове столкнутся две развитые личности и от этого шизофренического кризиса у любого ноги отнимутся. Ни в одной из книг не видел, чтобы герой подолгу расслаживался, как правило, они ведут очень активный образ жизни, так что действовать придется сразу.

– Хорошо, предположим. Итак, вы встали. Что дальше?

– Дальше все элементарно. Первым делом решаем проблему с инопланетным языком. Если он изначально не обнаружен в приобретенной голове, то следует проверить ближайшие заросли, желательно кусты. Там обязательно должен обнаружиться рояль, на котором наяривает местный маг. Пришельцев из других миров вроде меня он бесплатно и мгновенно учит всем местным языкам и письменности заодно.

– Вот как? Интересно, продолжайте.

– Дальше возможны варианты. Их ровно три. Первый: если там развита магия, я немедленно становлюсь самым сильным магом мира и оказываю посильную гуманитарную помощь: учу местных архимагов магии и уничтожаю армии Темного Повелителя секретным стилем чародейского кун-фу – «балет с огненными мечами». Ведь всем известно: круче, чем на Земле, магов не бывает, как и танцоров. Второй вариант: мир преимущественно технологический, но с магией. Тогда надо заниматься двумя вещами: первое – опять же стать самым великим магом и учить местных дилетантов разным оккультным премудростям, второе – как можно быстрее найти кузню и заняться ковкой булата.

– Стоп! Что вы заладили про магию? На Земле ее нет, так почему она должна оказаться в соседней реальности?

- Вы уверены, что нет? Эти ваши засылки – самая настоящая магия.
- Бросьте, технология, не больше. С таким же успехом жители Средневековья могут телевизор счесть колдовством. Может, без магии обойдемся?
- Не-а – не получится. В книгах, что вы мне принесли, почти во всех полно магии.
- Так уж и во всех?
- В тех, где ее нет, все гораздо запутаннее или противоречит здравому смыслу. С магией проще – она любую несуразицу может оправдать. Если в «немагической» книге герой, к примеру, стреляя из снайперской винтовки за полтора километра, через прицел спокойно наблюдает, как пуля пятидесятого калибра сносит противнику полголовы, или с точностью до миллиметра распахнутым левым глазом определяет, на сколько промахнулся, – это вызывает некоторое недоумение. А вот магии плевать на законы оптики и баллистики в частности и физики вообще. Магическое оружие не имеет отдачи: пульнул – и без проблем любуйся через стократный прицел, выточенный из хрусталика великанского ока, куда попал. Или вообще наслаждайся видами внутренних частей черепа Темного Властелина, разместив виртуально-мистическую «гляделку» на кончике пули. Или как вариант: левый глаз снабжен оккультным дальномером, а заодно и биноклем – при отдаче оружия его поле зрения ничто не заслоняет. Хотя лучше всего вообще обойтись без винтовки или иных технических архаизмов: огненным дождем по площади пройти, а потом, помочившись на дымящийся трупик Темного Повелителя, начинать собирать трофеи тоннами. Нет, Иван, магия – сила, технология – отстой.
- Жаль, инквизиция больше не работает – кое-что сжечь не успела.
- Если вы о книгах, где наш современник становится круче всех в магическом мире, то не стоит баловаться с огнем. Если их все сжечь, то от дыма и сажи наступит атомная зима.
- Как все запущено... Но давайте все-таки попробуем. Итак: вы все же попадаете в мир, где магии нет. Ваши действия?
- Первым делом встаю. Потом иду в кусты, к роялю.
- Стоп! Мы же договорились: без магии и магов!
- А я разве что-то говорил про магов? На рояле наявливает дедушка с умным лицом. Это, естественно, местный мудрец, и у него имеется загадочный ценный артефакт, который он где-нибудь стирал во времена бурной молодости. Это не просто артефакт – это квантово-нейтронный преобразователь пси-волн. А этот дедушка...
- Я уже понял: он абсолютно бесплатно учит всех желающих всем местным языкам и письменности. С помощью того самого квантово-нейтронного преобразователя.
- Да вы, оказывается, и без меня все прекрасно знаете. Может, и дальше сами рассказывать будете?
- Нет – с удовольствием послушаю вас.
- Вот и не придирайтесь: не буду я тратить кучу личного времени на изучение языка! Это скучно и вредит динамике сюжета. Так что вопрос закрыт – все необходимые мне языки я получаю в готовом виде, или как вариант – аборигены говорят на родном «великом и могучем». Итак, обогатив свой лингвистический багаж, я выхожу из кустов и, пританцовывая с мечами, начинаю поиски кузницы. Как только найду, приступаю к ковке булата.
- Да на кой вам сдался этот булат? Вот же заладили...
- Мне он, если честно, вообще не нужен, но жанр обязывает: во всех книгах герои, оказавшись в средневековом мире, обязательно начинают ковать булат – закон подобных сюжетов. Булат – это очень важно. Оказывается, на Земле булат умеет делать любой школьник, а вот там, среди людей, чья жизнь зависит от качества оружия и доспехов, это знание ни разу неизвестно. Кстати, дедушка, который только что учил меня вырезать бумеранги из мамонтовых лопаток, тоже про булат много чего рассказывал. А ведь это неспроста – чему попало он дрессировать не станет. Похоже, ковать придется много...

– Бред.

– Сами заставляете это читать, и сами потом критикуете.

– Я вам «Робинзона Крузо» принесу – там точно без булата обошлось.

– Если я окажусь на его месте, то как сумею создать порталную установку на необитаемом острове? Или там окажется все необходимое? А ведь запросто!.. Что мне потребуется для создания резонатора? Мне надо добыть около двух тонн меди и тонны чугуна. Медь куплю у гномов за булат или выплавлю из руды, которую сам найду на второй день; чугун украду у кузнеца, пока он будет валяться в шоке, после того как получит по башке все тем же булатом. Графита и хромита килограммов по триста собираю в местных горах – их же там как грязи. С пластиком для изоляции тоже потребуется решить вопрос, но нефть там обязательно будет – как же без нее, а остальное – сущие пустяки, не так ли? Ну и по мелочи кое-что понадобится: вакуумные диоды и триоды, конденсаторы переменной и постоянной емкости, амперметры, резисторы, сердечники, частотомеры, осциллограф... Ерунда – на коленке сварганю. Медь в основном пойдет на проволоку для резонатора и генератора, из чугуна отолью кольцо главного контура и вставки для сердечников радиальных катушек. Наматываю катушки, ни разу не запустившись в этих миллионах витков, а на местной речке деревянной лопатой насыпаю плотину и ставлю генератор, получив электростанцию мощностью сорок киловатт. Опускаю рубильник – и привет, Земля: Россия была первой в космосе, а теперь она – первая в параллельном мире. Ну а все остальные, как обычно, в...

– Почему Россия? Вы считаете, что мы – государственная организация?

– Я не считаю – я знаю: вывеску у входа прочитал. Не хочу хвастаться, но читать научился еще в детском садике. Да и в частной конторе столько казенных лиц не бывает – почти всем местным ребятам не хватает только штампа «УплОчено» на лбу. Здесь, если честно, только две морды неказенные – ваша и мистера Здравствуйте.

– У кого?!

– Я про того жизнерадостного старичка, что сегодня учил делать бумеранги и правильно задерживать дыхание, когда меня будут топить.

– А почему – Здравствуйте?

– А потому что он так представился: «Здравствуйте. Я буду обучать вас некоторым очень полезным вещам. Для начала давайте поговорим о пытках утюгом». Кстати, учить он умеет. Если бы он занимался вбиванием в мою голову конструкции установки, я бы за час все запомнил.

– Нельзя – у него нет допуска.

– Вот как? А у меня, получается, есть?

– Вообще-то нет, но в вашем случае...

– Понимаю. Но я ведь свободный человек? А вдруг передумаю! Придется меня выпустить. И как только я выйду из вашего бункера, абсолютно всем про вас все расскажу. Про то, чем вы тут занимаетесь.

– Обязательно. Сразу бегите к редактору газеты «Мытищинский гудок», расскажите ему, что страдаете уникальной болезнью мозга и агенты спецслужб хотели послать вас в параллельный мир собирать на необитаемом острове секретную установку для создания «кротовых нор» в пространстве. Он тут же все напечатает большим тиражом, и к вечеру это будут знать все Мытищи. Тут, кстати, неподалеку, в сторону Ярославля, и больница найдется – как раз по таким, как вы, специализируется.

– Вы про дурдом?

– Все знаете... Бывали?

– А я не пойду в газету «Гудок». Я пойду в посольство. В посольство одной великой демократической страны. И расскажу им все. Они, может, и не поверят, но я им нарисую чертежи установки. До малейшей детали. Со всеми размерами и параметрами. С частотами основного

и радиальных контуров, с данными по силе тока и напряжению, с инструкциями по настройке и активации. Они узнают абсолютно все.

– Ай-яй-яй, как непатриотично. И знаете, что они с вами потом сделают?

– Наградят? Да не надо мне наград – я из бескорыстной вредности. Мне ведь в этом мире ничего уже не надо... Даже денег не попрошу, хотя моя жаба этого не одобрит.

– Жаба?

– Мой внутренний голос: личный советник по всем финансовым вопросам и заодно казначей – дрессированное земноводное, жадное до изумления.

– Вашему психиатру, думаю, захочется с ней познакомиться... А по поводу посольства: не будут вас там награждать. И денег тоже не дадут. Удавят в кладовке – и все.

– За что?

– Потому что у вас допуска нет.

– Да при чем здесь мой допуск?! Какое им дело, что у меня нет допуска к российским секретам?!

– Никакого дела – вас удавят за отсутствие допуска к ИХ секретам.

– А при чем здесь их секреты? Я же выдаю НАШ секрет – отечественный. Их военные тайны мне не нужны. И вообще они мне неизвестны.

– Вы так думаете? Сколько вам лет? Двадцать девять? А наивны как маленький ребенок... Те самые чертежи и параметры, о которых вы постоянно упоминаете... Как по-вашему – откуда мы их взяли?

– Ну... коллектив секретных ученых разработал.

– Вы представляете, сколько людей трудились над первыми космическими кораблями?

– Думаю, много.

– Вы когда-нибудь видели на объекте толпу секретных ученых, способных разработать что-то настолько же серьезное?

– Ни разу – здесь малоллюдно.

– Верно: нас тут сокращают каждый год – все меньше и меньше остается работников... Бюджетный дефицит... Думаете, такой горстке людей под силу создать не просто концепцию подобного устройства, а готовое изделие? Вы ведь каждый винтик потрогали, каждый виток, – сложнейший по замыслу агрегат, при этом гениальный по простоте исполнения.

– По сути, там действительно ничего особо сложного... Постойте! Я правильно понял? Вы украли эту грандиозную идею у честнейших разработчиков из той самой великой демократической страны?!

– Лично я этого не делал.

– Но соучастник! Как это низко и бессовестно!..

– На что только не пойдешь ради увеличения финансирования. Мы, кстати, на благо человечества старались – даже улучшили прототип немного. У них в оригинале предусмотрены полупроводники в паре узлов, а мы ламповой техникой обошлись. Мало ли как все обернется – вдруг ТАМ монокристаллического кремния на базаре не продают. Ну и, разумеется, изменили частоту главного контура – теперь он настроен на нашу базовую станцию. Теперь-то хоть понимаете, за что вас удавят?

– Понимаю. А почему именно в кладовке давить будут?

– Ну пусть на чердаке. Вам от этого стало легче?

– Спасибо, гораздо. А может, я расскажу о ваших делах в посольстве великой азиатской страны? Коммунистической? Хотя я это так... теоретически. Кто же меня отсюда выпустит...

– Вообще-то вы все еще свободный человек.

– Ну разумеется. Но чтобы решить вопрос с моим выходом из проекта, придется полгода согласовывать все в вышестоящих инстанциях. А там уже и согласовывать ничего не понадобится... Просто так ведь отсюда мне не выйти? Господа Нельзя, которые вечно стоят возле

лифта и изображают сусликов у норки, на меня смотрят как-то странно... Заикнись я им про «выйти», умру явно не от рака мозга.

– Не исключено...

– Кстати, о финансировании: признаков нищеты я здесь не наблюдаю. Скорее наоборот – с каждым днем все больше людей новых появляется, и они постоянно возятся с различными материальными ценностями. Вчера вон компьютеры свеженькие видел, а сегодня мой мозгоправ заявил, что должны привезти дорожную медицинскую установку для просвечивания моего многострадального мозга.

– С финансированием у нас дело наладилось. Но вот до этого проект находился на грани полного закрытия. Как бесперспективный... Эх... – Ивану явно было нелегко вспоминать те трагические времена. – Но теперь все не так – несчастье помогло.

– И что за несчастье?

– Конкуренты.

– Позвольте, догадаюсь: те самые злодейски уворованные чертежи секретного набора катушек и конденсаторов, попавшие в ваши грязные лапы, вдохнули в проект новую жизнь?

– Нет, что вы. Подобные разработки ведут во многих странах, только вот толку от них никакого. И чертежи резонатора, если уж откровенно, – даром никому не нужны. Какой в них смысл? Установку мы перебросить не можем и вряд ли когда-нибудь сможем, так что ценность ее не больше, чем у песка в пустыне.

– Тогда не понимаю...

– Ну же! Вы умны, и интуиция у вас на высоте. Еще попытка...

Обошлось без интуиции – вариант оставался ровно один.

– У конкурентов наметились успехи.

– Видите – умеете, когда не ленитесь, подумать.

– И что за успехи? Мне опять заниматься антропомантией?⁶

– Нет, тут впору самому гадать. Одно только известно точно: у них получилось.

– Удачная засылка?

– Именно.

– И как они определили, что запуск действительно удачный?

– Связь. Их оператор держал контакт с испытуемым несколько часов. И контакт не прервался – просто канал начал терять стабильность и был потерян. А потом его уже не смогли отделить от фоновых помех. Несомненно одно: доброволец сумел адаптироваться настолько, что покинул район высадки. По нашим предположениям, для этого необходимо преодолеть минимум несколько километров – только тогда канал начнет терять стабильность из-за входа источника в зону действия помех. Даже если его из места высадки вывезли или вынесли, все равно он был при этом живым. Это первый известный нам случай, когда доброволец протянул на той стороне больше нескольких минут.

Опа – Ваня проговорился. Это что же получается: все мои предшественники откидывали копыта сразу после старта?! Надо развивать тему.

– У конкурентов используют добровольцев?

– Как и у нас.

– Меня это удивляет: ведь от хорошо подготовленного спецназовца или ученого толку ТАМ будет гораздо больше, чем от таких дилетантов, как я.

– И это тоже было – ученые, военнослужащие, гениальные ребята. Пробуют разные варианты. Экспериментируют. Мозг и его содержимое – слишком тонкая материя, чтобы без практики судить, у кого именно больше шансов. У нас нет теории, по которой можно выработать критерии отбора кандидатов, так что остается только экспериментировать.

⁶ Антропомантия – гадание по человеческим внутренностям.

- Меня можно считать добровольцем?
- А вас что – кто-то заставляет идти на это?
- Вообще-то про риск вы не сильно распространялись, когда уговаривали.
- Так ведь задача стояла уговорить, а не напугать. Да и потом, о каком риске вы говорите?

Клиническая смерть при запуске не сработает – все должно быть по-настоящему. А чем рискует покойник? Вы ведь неизбежно умрете – без нашей вины, естественной смертью, от редкой болезни, к которой мы не имеем отношения. А уж дальше или конец, или у вас будет шанс прожить новую жизнь – в другом теле. И кто знает – возможно, сумеете собрать резонатор и вернуться на Землю. Вероятность благополучного исхода не нулевая.

– Меня называют Девятым... у меня было восемь предшественников? И что – никто из них не протянул ТАМ больше нескольких минут? Ничего себе у вас конкурс...

– Да, восьмерых наших добровольцев удалось протащить через канал. Сколько было тех, кого не довели или завели слишком далеко, даже я точно не знаю, – не меньше четырех десятков. Не смотрите на меня как на палача: мы ведь никого не убиваем. Не сомневаюсь, что каждый из нас, когда придет время, пойдет на это так же добровольно, как и вы. Шанс получить после смерти продолжение... Заманчиво – не находите?

– Чудесно... Постойте – ведь не факт, что меня удастся протащить. Так что я могу оказаться в числе этих «безномерных» четырех десятков. Тогда почему меня называют девятым?

Иван бледно улыбнулся:

– Неписаная традиция – каждый новый кандидат получает номер в линейке успешных испытателей. Если у вас получится – следующий будет уже десятым; а не получится – появится очередной девятый.

– Это как космонавты, которые по стойке «смирно» мочатся на колесо автобуса перед стартом, как повелось еще со времен Гагарина?

– Да – мы погрязли в высоких технологиях, но при этом не избавились от смешных суеверий.

– А у конкурентов с этим как? Я о добровольцах и их шансах.

– Примерно так же. Нам известно минимум о четырнадцати попытках, и лишь одна из них успешная. Последняя.

– Я бы не спешил называть ее успешной. Ведь, как догадываюсь, собрать установку он пока не смог.

– Даже попади он в мир, мало отличающийся от нашего, за такое короткое время невозможно успеть. Представьте, что вы – пришелец с задачей собрать резонатор и вас забросили к нам, на территорию современной России. Вы в теле младенца или даже умалишенного, запертого в сумасшедшем доме. Вам надо добыть несколько тонн достаточно дорогостоящих материалов, причем нестандартных. Обычный медный провод, купленный в магазине, не подойдет. В вашем мире вряд ли процветает метрическая система, значит, придется пересчитывать на здешние размеры и заказывать тот же провод с нужным вам диаметром. И мне даже трудно представить, кто возьмется за такой странный заказ и как не вызвать ненужных подозрений. При этом решая кучу сопутствующих проблем. К примеру, у вас не будет с собой эталона родной единицы длины.

– Это мне в первую очередь объяснили. Но выйти на метр можно и в другом мире – ведь подразумевается, что физические законы аналогичны. Если так, то мне понадобится узнать длину волны оранжевой линии спектра у кое-какого изотопа криптона, после чего умножить ее на число, вбитое в голову надежнее, чем дата рождения, – память у меня отличная. Подойдет не только криптон – я могу использовать восемь различных изотопов со своими коэффициентами. Простите, что перебил.

– Прощаю. Вот скажите – как простому человеку узнать длину излучения линии спектра какого-то редкого изотопа инертного газа? Все, что у вас поначалу будет, – это углы: в любом

мире не потребуется много усилий, чтобы разбить круг на триста шестьдесят сегментов. Для этого достаточно обычной веревки. На ней, кстати, заодно и повеситься можно будет, когда дело дойдет до вычисления метра и секунды. Даже мизерная погрешность приведет к перекосу выстроенной вами системы. Частоты окажутся разными, и резонанса с базовой установкой, оставшейся в вашем родном мире, не произойдет. А все потому, что ваш герц будет чуть-чуть отличаться от истинного. Самую малость, но этого вполне достаточно, чтобы резонатор остался кучей бесполезного хлама. Вы потратите годы на работу; облысеете от умственного перенапряжения; будете скрываться от соседей и властей; голодать, вкладывая все свои средства в материалы... И в итоге – все зря... А еще учтите, что ваша установка спроектирована по минимуму. Она не способна ни на что, кроме как задать направление для огромной махины, оставшейся в вашем родном мире. Вот она-то, входя с вашей самоделкой в резонанс, и создает широкий направленный канал, пробивая пространство своим силовым кулаком. И знаете, сколько на это потребуется энергии? Даже чтобы просто держать ее включенной в режиме настройки на резонатор, придется использовать целый энергоблок электростанции. А уж для выхода на рабочую мощность, для одной попытки прокола... У-у-у-у-у! Спарка эмгэдэ-генераторов⁷ – вы даже не представляете, во сколько это обойдется! Так что проблемы будут не только у вас, но и у тех, кто остался. А вдруг правительство урежет бюджет и финансирование сократится? Или проект вообще закроется. И тогда включать установку на поиск вашего сигнала будут раз в десять лет, на большой праздник. И все – резонатор не заработает, даже если сумеете настроить его идеально. Или вдруг действительно попадете в средневековый мир? И что? Будете на рынке у холопов спрашивать криптон восемьдесят шесть и потом замерять длину волны в вакууме?

– То есть этот удачливый доброволец у конкурентов может зависнуть там лет на двадцать? Или вообще пропадет?

– Может случиться что угодно – нам только гадать остается. Все, что мы знаем о другом мире, – это наклон оси сопределной к нам планеты и период ее оборота. Не так уж много информации, да и та под большим сомнением. Хотя мы уже начали ее использовать – сутки на объекте равны местным. Медики считают, что это может помочь добровольцам в начальный период адаптации. Освещение здесь искусственное, а все часы переделаны – вы ведь сами уже это заметили.

– Кто он? Тот доброволец...

– Психопат. Серийный убийца. Был смертельно ранен при попытке пересечь границу штата.

– Прорывался через полицейский заслон с бензопилой?

– Нет, он предпочитал старые добрые ножи. И бритвы...

– А ничего у них добровольцы... Там все такие?

– Нет, не думаю. Они, как и мы, постоянно экспериментируют – не закливаются на ваших «спецназовцах и гениальных ученых». Выбирают кандидатов из разных рас, разного интеллекта, возраста, социального положения, психотипа. После такой череды неудач не то что маньяка – Гитлера готовы запустить. У нас вот впервые решили привлечь добровольца с раком мозга, вызванным редкой болезнью, – у кого-то из наших яйцеголовых возникла идея, что такого легче проводить за счет изначального отрыва части информационной матрицы от поврежденного материального носителя.

– А что происходит с этой самой матрицей, если она не попадает после смерти в другой носитель?

– Понятия не имею. Этого никто не знает. Может, рассасывается, может, попадает во вселенское хранилище информации, может, еще что... Если думаете, что я расскажу вам о загробном мире, то забудьте. Помните наш первый разговор, когда я с помощью пары бумажек

⁷ МГД-генератор – магнитогидродинамический генератор.

демонстрировал модель параллельных миров? Так вот: операторы говорят, что освободившиеся матрицы уходят даже не через какое-то там «энное измерение», а бог знает куда и как. Даже не измерение это вовсе. Эх... хотелось бы узнать еще при жизни...

– Ваши операторы все же маги...

– Бросьте, я еще при СССР изучал одного экстрасенса. Женщину. Все ее способности поддавались изучению. Не спорю – странные способности, но законам физики они не противоречили. Если у человека есть талант, почему бы не использовать?

При СССР? Глядя на Ивана, и не в такое поверишь: он, похоже, еще при Петре Первом подобными вещами начал баловаться. Я так и не смог понять, сколько же ему лет...

– А почему никто не пересаживает матрицы здесь, в нашем мире? Разум безнадежно больного – в младенца, или «овоща», или даже добровольца – продавца своего тела. Найдется немало людей, готовых отдать за такую услугу миллиарды.

– Думаете, вы первый о подобном задумались? С таких вот идей вообще-то и начинались все аналогичные проекты: параллельные миры – это уже побочное открытие. Да только не получается ни у кого изменить направление движения матрицы на обратное. Дальше, к следующим по очереди мирам – пожалуйста, а назад – никак. Так что управлять их полетом можем только ТУДА. Причем шанс на внедрение в носитель есть только в сопредельном, самом ближайшем к нам мире – дальше помехи не позволяют. А уж если матрицу потянуло наверх, через это непонятно что, то пиши пропало: канал теряется мгновенно и окончательно. Будто засасывает что-то невероятно мощное. Даже не представляю что. Прокол, который мы делаем при запуске, в миллион раз меньше того, что иголка тончайшая оставляет, а энергия, направляемая на такую малую площадь... Это похоже на условия фазы огненного шара при термоядерном взрыве... даже страшнее... Мне страшно представить, что за сила с легкостью вытягивает матрицу из такого жесткого канала.

– Если узнаю, постараюсь вам как-нибудь рассказать... если это вообще возможно.

– Вы о чем?

– О тех информационных матрицах, как вы их называете. Если моя не приживется в носителе, но я узнаю, куда они уходят. И о пылесосе внепространственном тоже постараюсь разузнать. Так что если после моего запуска увидите завывающий призрак, не спешите паниковать – это я вернулся на минутку, чтобы отчитаться.

– Уверены, что матрица и есть вы? Мы вот до сих пор не уверены, хотя обычно добровольцам говорим обратное...

– Скоро я об этом узнаю...

* * *

Чем мне нравятся такие разговоры с Иваном – он ведет себя со мной как с человеком. С нормальным человеком. И даже постоянно поднимаемая тема моей скорой кончины его ничуть не стесняет. Он полностью погружен в свой мир высоких материй, и до проблем жалких смертных ему нет дела. Сумасшедший профессор в идеально выглаженном костюме... До общения со мной он снисходит лишь из необходимости – я ему очень нужен. Очередной винтик к механизму его теории. Винтик позолоченный – во мне есть уникальное свойство: раковая опухоль, вызванная редкой болезнью. Такого добровольца у него еще не было. А плюс к тому операторы (знали бы вы, как плачет по всем этим операторам та самая больница, что в сторону Ярославля!) дружно заявляют, что моя матрица идеально идентифицируется и потерять ее на канале будет непросто...

Они все почти уверены, что ТУДА меня протолкнуть получится. И «пылесос» этому не помешает.

А дальше идет уже второй этап – приживание матрицы. С ним тоже непросто: мои предшественники, попавшие ТУДА, протянули недолго. Все восьмеро очень быстро потеряли связь с носителями, и дальше эксперимент заканчивался – здравствуй, «пылесос». Второй попытки это загадочное явление не дает, а вернуть матрицу назад невозможно, да и некуда (хотя это, не сомневаюсь, тоже пробовали). Почему не приживаются матрицы, никто не знает. Теорий, конечно, великое множество, да только толку от них пока нет.

Как много сложностей на моем пути – страшно представить. Хотя чего, казалось бы, бояться – так или иначе, от смерти мне не уйти.

А все равно страшно. Смерть как таковая меня пугает мало – страшно КАК. Превращаться в орущую от боли развалину, зная, что это необратимо... Наверное, в итоге буду ждать костлявую как избавления...

Зато если все получится, ох и попотеть мне придется. Ивану хорошо – он от самого факта удачного заброса будет радоваться, будто кокаинист, попавший на ПМЖ в Колумбию; а мне ведь пахать придется. Неизвестно где, неизвестно как, неизвестно из чего создать здоровенную машину из медных катушек и чугунного бублика. И создать ее надо быстрее, чем тот жестокий демократ со своими окровавленными бритвами. Хотя не верю я, что он там будет заниматься намоткой медного провода на чугунные сердечники. Ему это ни к чему – у него другие жизненные интересы... не без странностей. Хотя кто их знает... Вдруг он истинный патриот? Резал глотки и гимн распевал при этом? И устроит там такой террор, что ему местные сами подарят целых четыре резонатора. И начнут конкуренты качать на Землю нефть и тащить алмазы, а взамен туземцам поставлять комиксы и стеклянные бусы. И приезжать на охоту: «Эй, Билл, а не съездить ли нам на остров, где тот растяпа-русский пытался с помощью костяного бумеранга из вулканического стекла резонатор выточить? Постреляем в него немного? Он ведь совсем обнаглел – отказывается за наши деньги продавать свои экологически чистые кокосы. Как он будет без валюты расплачиваться с нашим национальным героем-добровольцем, с Фредди-нож-бритва, когда тот в очередной раз захочет его поймать? Или да ну его – вечно прячется по кустам и стрелы оттуда деревянные выпускает, одежду портит. Неспортивно себя ведет, как и вся их нация. Давай лучше на стриптиз махнем, а к нему на остров пошлем пару «стелсов»⁸ с крылатыми ракетами... чтобы знал».

Ладно, надо постараться выбросить из головы всю эту кашу и уснуть. Каждый вечер одно и то же – моя многострадальная голова не прощает такого тотального насилия. С одной стороны, ее точит опухоль, с другой – широкой рекой течет информационный хлам. Грузят меня жестко... Надо уметь отключаться – иначе высыпаться не смогу. А завтра очередной трудный день – придется опять узнавать много нового и все это запоминать.

...Проснулся я слепым.

* * *

– Данил, да что вы прямо! Этого ведь стоило ожидать. Врачи еще вначале вас предупредили, что слепота почти неизбежна.

– Вам легко говорить – ослепли-то не вы.

– Это еще не конец – просто поврежден зрительный центр.

– Врачи смогут вернуть мне зрение?

– Вы же понимаете, что нет.

– Тогда запускайте.

– Вы еще протянете не меньше трех месяцев – врачи это почти гарантируют. Одумайтесь.

– Вам так дороги три месяца моей жизни?

⁸ «Стелс» – малозаметный боевой самолет, в данном контексте – носитель крылатых ракет.

– Зря вы считаете, что я абсолютно бесчувственная сволочь. Стараюсь не привыкать к добровольцам, но увы... Мне действительно вас жаль.

– Да вы даже не помните, сколько нас было, – сами признались. Может, просто жалеете о той полезной информации, что я могу получить за оставшийся срок?

– И об этом тоже. Кто знает, что вам может понадобиться.

– Помню – шпаргалок ТАМ не будет. Но из тех месяцев, что мне остались, минимум два я проведу на сильнодействующих обезболивающих. Вы всерьез думаете, что в таком состоянии я смогу продолжать полноценное обучение? Слепой, регулярно теряющий сознание, засыпающий на ходу, одуревший от наркоты... Запускайте!

– Вы точно не передумаете?

Да как это можно объяснить? Жить по соседству со Смертью можно – я жил так с первого дня на объекте. И ни разу не сорвался – приспособился. Но это при свете. В темноте – нет, не смогу. Все, что копилось эти месяцы, сработало разом, будто распрямившаяся пружина, прежде бывшая моим позвоночником, а теперь разорвавшая плоть и кожу.

Она здесь.

Она рядом.

Она почти схватила меня.

А я даже не могу ее увидеть...

Я это просто чувствовал, знал, понимал, и выть хотелось от такого знания. Это конец – я начал разрушаться всерьез. Это не короткий приступ с временным потемнением в глазах – теперь потемнение не уйдет. Это серьезно. Это распад. Сегодня я потерял зрение, а завтра проснусь слюнявым идиотом.

У меня есть лазейка – не отговаривайте.

* * *

Традиционное последнее желание. Будь у меня глаза – обязательно бы потребовал от Ивана чего-нибудь несолидного. Пусть изобразит на столе танец маленьких лебедей или с кукареканьем пройдет мимо парочки Нельзя, торчащих у лифта, – может, хоть это заставит их улыбнуться? Может, элитную проститутку потребовать – тоже неплохо. Не в том смысле, что очень уж хочется, а просто приятно будет поразмышлять, как же они проведут такие странные расходы по своей отчетности. Представляю реакцию местных бухгалтеров...

Позвонить родителям? А оно им надо? Когда мы в последний раз говорили? На Новый год? Похоже, да... Мы и раньше были не очень дружной семьей, как-то не сложилось, а когда они переехали жить к тем самым демократическим конкурентам, и вовсе... Квартиру оставили, за что я им очень благодарен, а в остальном... Достаточно им того праздничного звонка.

Интересно, а хоронить меня они приедут или как?

А пошло оно все...

– Дайте телефон – хочу позвонить.

– Родителям? – уточнил Иван.

– Не переживайте – на международный звонок разорять не буду. Местный сотовый телефон – номер продиктую.

Ну же! Возьми трубку! Дура, последний шанс даю! Хотя какой тут может быть шанс...

Взяла.

– Лена, привет.

– Привет, – ответила после нехорошей паузы, подчеркнуто равнодушно.

Вот зачем я вообще решил позвонить?..

– Лен, ты как?

– У меня все хорошо.

– Рад за тебя.

Теперь уже я молчу.

Вместе молчим...

– Лена... Ты извини, что столько не появлялся: проблемы возникли. Разгреб я их немного, вот и звоню...

– Я рада, что ты решил свои проблемы.

Она что – решила меня по телефону заморозить? Не голос, а поток жидкого азота...

– Ладно, Лена... и вообще извини. Скоро ты обо мне кое-что услышишь...

– Если ты о Мишином дне рождения, что послезавтра, то я не приду.

– Не о нем. – Эх, испорчу другу праздник... – Лен, в общем, пока. Прощай. Не думай обо мне плохого – я не со зла.

– Пока.

Короткие гудки; вслепую протягиваю руку:

– Забирайте. Подруге позвонил... подруге детства. Попрощался.

– Еще звонить будете?

– Я же сказал – нет. Забирайте. Все – потратил я свое последнее желание (причем бездарно потратил). Начинайте.

– Нам понадобится еще несколько минут – канал микроскопический, но энергии потребляет много. Не хотелось бы потерять его из-за технических причин.

– Но меня-то готовить надо? Или нет?

– С вами сейчас начнут – вот ваш оператор.

– Приветик. – Жизнерадостный, гротескно-сексуальный, сильно прокуренный женский голос. – Что, здоровячок, дошла и до тебя очередь?

– Привет, – вздохнул я.

Операторы все чокнутые, но эта, одиннадцатая, – просто нечто. Когда мне их показали, она первым же вопросом поинтересовалась геометрическими характеристиками моего первичного мужского признака. Остальные вопросы были не менее откровенными. Что-то очень скромно себя ведет – Вани стесняется? В авторитете он здесь...

– Милый, я твой проводник на ту сторону.

– Это я уже понял. – Опять вздох. – Меня почему-то не учили самому переходу – что именно при этом надо делать?

– Тебе ничего не надо. Старайся до последней секунды не терять со мной связи – оставаться в сознании. Я буду держать тебя за руку, вот так. Чувствуешь?

– Да.

– О! Какие у тебя мышцы! Спортсмен?!

– Железки раньше таскал серьезно да и потом баловался.

– Накачанные мышцы – это так сексуально, особенно если с волосами на груди.

Начинается... Ваня, ты где?! Эта страхомордая одиннадцатая сейчас прямо здесь меня изнасилуется!

– Данил?

Спасен – Ваня удостоил меня вниманием!

– Что?

– Есть проблема. Живого тебя не запустишь, а три месяца установка наготове не простоит.

– Понимаю. Думаете, я совсем наивный? Смерть секунда в секунду не приходит, если ей не помогать. Не думаю, что все мои предшественники ушли естественным путем. И никогда не думал. Все равно ведь умирать? Так что не делайте вида, что мучаетесь от угрызений совести, – я ведь вас не виню.

– Тогда надо поставить подпись на документе. Это согласие на... гм... «ускорение процесса».

– А что – у нас уже разрешена эвтаназия?

– Нет. Это для внутренней отчетности. Зачитать все?

– Не надо тратить время. Давайте ручку... Как символично...

– Вы о чем?

– Моя последняя дань родимой бюрократии – подпись под согласием на убийство. Отличный завершающий штрих биографии.

– Завершающий? Думайте об этом как о начале.

Первый раз в жизни расписываюсь вслепую. Ничего сложного – просто пришлось подождать, когда ручку подведут к нужному месту на «приговоре».

Может, и впрямь потребовать зачитать текст? Вдруг я ставлю подпись под новым вариантом завещания, отдавая квартиру, машину и счет в банке Ване и его подруге, которая однанадцатая?

Нет – на такой бред даже жаба не стала реагировать: слишком уж масштабно все для такой пошло-мелкой аферы.

– Что теперь? Пуля в голову?

– Данил, вы нас за мясников держите?

– Ах да, извините. Вам же еще труп родственникам предъявлять. Надеюсь, не станете его закапывать в безымянной могиле где-нибудь в темном лесочке?

– Если для вас это принципиально, мы можем организовать на похоронах военный оркестр. Одному добровольцу организовывали.

– Не стоит – обойдемся без торжественной части. Просто хотелось бы по-человечески. Кто знает – может, когда-нибудь сумею заглянуть к себе на могилку. Объясните – что и как?

– Вам введут в вену препарат... Это не яд – что-то вроде обезболивающего. Вы перестанете чувствовать тело, но будете оставаться в сознании. Он еще вызовет сонливость; с ней боритесь – наши специалисты считают, что засыпать нежелательно. Потом вам введут второй препарат – он вызовет мышечный паралич; затем третий – он остановит дыхание и сердце. Вы не будете чувствовать боли – просто сознание начнет меркнуть. Ничего неприятного – будто сон одолевает. Старайтесь при этом думать только об операторе, слушать ее голос. Что будет потом, мы не знаем. Никто ведь не рассказывал... Советую я вам лишь то, что советовал остальным: если ТАМ, в состоянии информационной матрицы, вы будете понимать происходящее и останется возможность совершать какие-либо действия, влияя на процесс перехода, – не совершайте. Доверьте все оператору. Она знает, что делает, и доведет вас до конечной станции.

– А можно поподробнее? Как она вообще найдет эту станцию и можно ли заранее высказать пожелания о том, что именно мне требуется? Я, знаете ли, гомофоб и не хочу оказаться в женском теле или тем более в шимпанзе вселяться – помимо гомофобии еще и зоофобией страдаю. Нельзя ли пояснить, как это все происходит?

– Нельзя. Простите, Данил, но это знание вам ни к чему, и давать вам подобную информацию опасно. Неизвестно, что там, на другой стороне, – вдруг их технологии в сочетании с нашими способны упростить переход. Не хотите ведь оказаться причиной нашествия на Землю чуждых матриц?

– Чертежи резонатора я знаю наизусть – под пытками выдам мгновенно.

– Это бесполезное знание: базовую установку по ним не восстановить, а чья база – того и портал. Даже если сумеют создать точечный прокол, без технологии переброски информационных матриц ничего не выгадают. Увеличить диаметр прохода с помощью односторонней установки невозможно – расходы энергии растут в такой прогрессии, что всей энергии взрыва сверхновой не хватит на переброску макового зернышка. Так что не доводите дела до попыток

– выдавайте все сразу. Нам они этим знанием не навредят. Верьте оператору: она умеет находить в другом мире области с низким уровнем фоновых помех – только там есть надежда на успешный перенос матрицы. Просто доверьтесь ей.

– Ладно, буду лететь через астрал бесчувственным бревном. Одиннадцатая, за руку меня держи! Куда ты там потянулась?

– Через десять минут техники будут готовы. Можно начинать?

– Да, Иван, я готов.

* * *

Тела больше нет, но при этом почему-то ощущаю прикосновение одиннадцатой. Наверное, это и есть смерть...

Странно – страха тоже нет.

* * *

Чернота, вспышка, опять чернота. Пустота за спиной. Пустота везде. Толчок. Серия вспышек, не освещающих ничего. Бесконечная чернота.

Одиннадцатая?! Где ты?! Я больше тебя не чувствую!

Свет. Не вспышка, а именно свет – настоящий свет. Гнусная рожа, заросшая клочковатой бородой. Борода грязная, глазки мелкие и сальные, рот распахнут в немом крике.

Кричит мне в лицо.

Рожа расплывается, заваливается набок.

Или это я заваливаюсь?

Чернота.

Полная чернота.

Глава 3

Райский остров

Срок подготовки был не сказать чтобы очень уж впечатляющим, но ученик я невероятно способный (к тому же ужасно скромный) – успели многое. Я был готов к самым разнообразным сценариям появления ТАМ. Раскаленная пустыня и арктическая пустошь; жерло действующего вулкана и трясина; пыточный подвал – и радиоактивная зона в эпицентре термоядерного взрыва.

Я знал, как действовать в любой ситуации, но в действительности первое, что сделал в новом мире, – глупейше растерялся.

Шок отнял несколько мгновений на осознание ситуации – я пытался сообразить, куда вляпался, и одновременно торжествовал по поводу вновь обретенного зрения. Правда, зрение как-то не так работало... Сперва даже решил, что атмосфера здесь плотная, как кисель, потом, очередной раз хлебнув этого «киселя», понял – я оказался в воде.

Точнее, под водой. Это в каком же надо быть состоянии, чтобы не понять такого сразу?!

Я тут же хлебнул еще, а потом еще и еще, едва не заорав от ужаса и понимания того, что теперь новый доброволец получит мой номер – это конец. Я ведь человек, а не подводная лодка. Хотя насчет человека погорячился – мало ли куда засунула мою родимую матрицу эта чокнутая нимфоманка: вдруг в самку орангутана? Интересно, что она там делает с моим еще теплым бранным телом?

Вбитые на занятиях знания не спешили подсказать мне выход из ситуации – я продолжал глотать воду и идти ко дну. Ко дну? Раз я вижу свет, значит, глубина невелика. Где источник света?! Быстрее!!!

Завертел головой и, лишь прижав подбородок к груди, увидел то, что искал: светящуюся поверхность водоема, подпираемую мачтами моих ног (на вид вроде вполне человеческих). Поверхность удалялась – я тонул, быстро уходя ко дну вверх тормашками.

Отчаянный рывок, переворот – и почти сразу ноги упираются в твердое: я достиг дна. Отлично, теперь от него оттолкнемся. Наверх... вверх... Грудь разрывается от боли, в глазах темнеет. Как глупо – преодолеть границы двух миров, чтобы утонуть в какой-то соленой луже. Уже почти ничего не вижу – это конец. Но почему-то продолжаю работать руками, на голом упорстве, бессознательно. До крови закусываю обе губы – рот норовит распахнуться и сделать последний глоток. Тупое тело не понимает, что это будет не воздух, – оно просто работает на рефлексах.

Голова пробивает водную поверхность. Я уже мало что соображаю, кроме главного: вот теперь наконец можно дать волю рефлексам. Легкие, затопленные, наверное, по самые бронхи, скручивает от боли, но в глазах почти сразу проясняется – кислород пошел. Не спеши – еще дыши и еще. Выкашливай эту горько-соленую гадость. И шевели руками – не позволяй себе расслабиться. Трофейный организм явно мечтает потерять сознание, а в мои планы это не входит.

Не успев отдышаться окончательно, столкнулся с новой проблемой – резко скрутило живот. Рвота ринулась фонтаном – все та же вода, сдобренная редкими ошметками чего-то мерзко-бледного. Брезгливо отгреб от грязного пятна и только сейчас нашел в себе силы оглядеться. Точнее, просто взглянул вдаль. Там, расправив прямоугольник серого паруса, в сторону горизонта уходил корабль. Я видел лишь корму, что наводило на нехорошие подозрения: судно явно уходит от того места, где я оказался по прибытии. Нетрудно сделать второй вывод: я упал за борт... или мне помогли упасть.

Судя по тому, что разворачиваться корабль не торопится, скорее всего имеет место второе...

Человек я относительно спортивный, но с плаванием как-то не сложилось. Нет, держаться на воде могу и даже стометровку способен прошлепать не совсем уж позорно-медленно, но вот переплыть море – не по мне. Тем более что атлетических талантов новое тело не демонстрировало: оно норовило потерять сознание, испытывало головокружение и уже начало подозрительно беспокоить усталостью в руках.

Зря я при давней беседе с врачом вспомнил о поездке к морю – накаркал.

Начинаю понимать, почему не выжили мои предшественники: слишком уж много всего на нас здесь наваливается. Обидно – добраться до нового мира, подняться со дна моря, и потом, побарахтавшись пару часов, все равно в этом море утонуть.

Зато Ваня будет визжать от радости – течение успеет унести меня далеко от места высадки, в область тех самых загадочных фоновых помех, и он будет уверен, что Девятый пережил перенос, после чего шустро почесал в сторону рынка: искать изотоп криптона для эталона метра и медную проволоку для резонатора.

Но если я посреди моря, то почему здесь так мелко? Судя по ощущениям, до дна в месте высадки было метров пять-десять. Ну нельзя же так тормозить, разом позабыв все, чему учили, и заодно врожденно вызубренные вещи: «шок первопроходца» не оправдывает столь глупого поведения!

Завертел головой и чуть не выругался – чуть позади, слева, тянулся берег. Остров или полуостров – полоска каменного пляжа темнеет в нескольких сотнях метров, а я, распоследний ущербный имбецил, даже не удосужился оглядеться сразу, уже почти себя похоронив.

Спасен!

Хотя не стоит торжествовать раньше времени – не удивлюсь, если в прибрежных кустах, поглядывая в мою сторону и облизываясь, замаскировалось стадо тех самых девятилапых овцеящеров. В этом мире меня не спешат баловать бонусами с порога – все больше гадости подсовывают.

Едва начав плыть, столкнулся с новой проблемой: мешковатая то ли рубашка, то ли куртка здорово стесняла движение. Возиться с непонятными завязками было неудобно – просто стянул ее через голову. Затем пришлось побарахтаться на месте, соорудив что-то вроде чалмы: бросить одежду жаба не разрешила.

Майки или ее заменителя на теле не оказалось – поплыл дальше уже быстрее (штаны не слишком мешали, а обуви не было). Волнения практически нет; течения не чувствуется; водичка не сказать чтобы как в ванне, но и не обжигающе-холодная. Это я сам себя начал потихоньку успокаивать, доказывая, что здесь не все так уж плохо.

Может, и овцеящеры в кустах не прячутся...

Плыть пришлось долго – в воде я и на Земле спринтером не был, а тут и подавно. Уже перед куцей полосой приборя (волнения ведь почти нет) попробовал встать. Куда там – ушел под воду, едва не оставшись без «чалмы». Станный здесь рельеф дна – до берега уже доплунуть можно, а глубина «с головкой».

Еще несколько гребков – и едва лицо о камни не разбиваю: мель такая, что гусям по щиколотку. Уже не думая о странностях подводного рельефа, устало поднимаюсь. Как я Ване рассказывал? Первым делом надо встать? Вот и встал. А теперь можно и сесть, что я и сделал, добравшись до суши.

На несколько мгновений просто застыл в позе медитирующего хомяка. Хотелось лечь и закрыть глаза, но держался: нельзя сейчас так расслабляться. Я в другом мире, и не факт, что здесь всерьез заботятся о безопасности инопланетных туристов. Да и не турист я – скорее диверсант (это если всерьез надумаю создать резонатор).

Первым делом надо разобраться с обретенным телом. Мне не нравились его физические кондиции и явные проблемы, выдаваемые болью. Болело почти все – раньше я на это не обращал внимания, потому что был сильно занят внезапно возникшими проблемами выживания. Теперь вот время появилось.

Думаете, я начал исследовать голову, пытаюсь понять, почему она раскалывается и кружится? Или саднящий бок ощупывать? Нет – первым делом я полез в штаны. И подарил этому миру искреннюю улыбку – пусть усталую, но зато до ушей. Я получил невероятно ценный бонус: попал в мужское тело. И, судя по растительности, тело явно немладенческое.

А теперь займемся грустными делами.

У меня рябило в глазах, а периферическое зрение время от времени обманывало – мерещилось движение, но, если разворачивался, не замечал ничего подозрительного. А иногда на мгновение пропадала цветная картинка – мир становился черно-белым. Слух тоже беспокоил: то слышу абсолютно все, то вдруг словно пробки в ушах появляются. И вообще чувствовал себя частично деревянным – будто мне не полноценное тело досталось, а дешевая кукла.

Так, с этими симптомами пока что будем мириться. Еще на объекте меня предупреждали, что внедрение информационной матрицы в другой носитель – дело тонкое и непрогнозируемое: вряд ли приживется мгновенно. Чтобы новое тело стало полностью послушным, надо к нему приспособиться. Длительность процесса неизвестна, но паники разводить по этому поводу не стоит. Гораздо важнее оценить физическое состояние – похоже, без повреждений тут дело не обошлось.

Голова – в первую очередь: я на Земле с ней хлебнул неприятностей и продолжения не хочется. Шишка – здоровенная шишка чуть выше левого глаза. Вершина этого бугра рассечена – пальцы окрасились кровью. Течет вяло: холодная вода сузила сосуды. Это где мое новое тело такое украшение заработать ухитрилось? Не иначе как при падении с корабля, или, скорее, падение за борт было результатом. Тошноты уже нет, голова вроде кружится не столь уж сильно, да и других симптомов серьезного сотрясения мозга тоже не наблюдаю. Лоб – крепкое место, поболит и перестанет.

Теперь бок. Дивной расцветки синяк размером с кулак – ребро под ним страдальчески жалуется на самочувствие. Осторожно прощупываю – вроде переломов не наблюдаю. Максимум – трещина. Тоже переживу.

А это что за ужасы на груди? Похоже, о нее сигары тушили. Большие такие – их на Кубе любят скручивать из табачных листьев. Н-да... Мне все больше не нравится тот милый корабль.

Устало погрозив кулаком еле заметному парусу на горизонте, занялся изучением ближайшей местности. Делал это не сходя с места – просто осматривался. Пляж из мелкой гальки всех расцветок, но с преобладанием серой. Вулканического стекла вроде не наблюдалось (вот же далось мне оно...), да и вообще вряд ли найдется сырье для простейших инструментов – размеры не те. Помимо камней наличествуют выбеленные древесные останки разных размеров, причем большая часть их сложена полосой перед зарослями травы и низеньких кустиков. Вывод очевиден: это отметка линии максимального прибоя или прилива. Не впечатляет – ураганов и цунами с многометровыми волнами здесь явно не бывает.

Растительность: заросли начинаются сразу за линией максимального прибоя. Громко сказано – для полноценных зарослей слишком все скромно. Пучки вялой травы, скукожившиеся кустики – ничего серьезного вроде деревьев не наблюдается. Листва зеленая, на вид вполне земная. Значит, все тот же хлорофилл (во как выдрессировали – даже думаю учеными терминами).

Животный мир: зверей не заметил. Зато пернатых хватает – обыкновенные на вид чайки летают куда ни глянь; немало птиц бродит по пляжу, что-то выискивая у кромки чахлого прибоя. В нескольких шагах белеет череп – похож на дельфиний, но поклясться в этом не могу.

Имеются признаки присутствия туземного населения. Обнаружен абориген в количестве одна штука (я в его теле располагаюсь) и почти скрывшееся из виду плавсредство – корабль.

Рельеф – плоский берег с полосой пляжа шагов в тридцать; далее все так же ровненько, только где-то в глубине суши виднеются несерьезные возвышенности, поросшие все теми же кустиками и сереющие скальными выходами. Береговая линия прослеживается недалеко – заворачивает с обеих сторон.

Водоем – судя по горько-соленому вкусу – это море или океан. Или огромное бессточное озеро. Отсутствие следов высоких волн и океанического прибоя говорит в пользу внутреннего моря или озера.

Что остается? Небеса. Такие же синие, как и на родимой Земле, с редкими раздерган-ными облаками. Имеется звезда в количестве одна штука, спектральный класс в диапазоне G0V – G9V, угловой размер порядка полградуса, положение близко к зенитному. Если не умни-чать, то здорово напоминает старое доброе Солнце, и время сейчас в районе полудня.

Итак, первоначальные данные получены. Я нахожусь на планете, очень похожей на Землю, скорее всего на полуострове или острове внутреннего моря, зона умеренного климата или даже южнее (если полушарие северное). Наличествует жизнь, схожая с земной, и населе-ние, при беглом осмотре показавшееся вполне человеческим: по пять пальцев, две ноги, один нос и так далее.

Все такое родное с виду – может, меня каким-то чудом на Землю занесло? Расселся на берегу тихого островка посреди Балтийского моря и ерундой занимаюсь?

Нет, не Балтика это. Не бывает там пляжей без пустых бутылок и пробок от них, пакетов, бумажек, пластиковых стаканчиков, обрывков сетей и прочего хлама. Искать все это добро не надо – повсюду валяется, даже на самых диких побережьях. В небе не видно инверсионных следов; в море не наблюдается яхт, моторок и траулеров. Судно, уже почти исчезнувшее из виду, на современное ни разу не похоже – сейчас под прямым парусом никто не ходит; да и корпус, если глаза не соврали, был деревянным. В реконструкторов, рассекающих по морю на каком-нибудь самодельном драккаре⁹, не верилось.

Вывод: сомнительно, что местная цивилизация крепко дружит с индустриализацией.

Рубашка и штаны – из грубой, явно домотканой шерстяной ткани; обувь на ногах отсут-ствует, и, судя по состоянию подошв, я прекрасно могу обходиться без нее: ступни – будто под-метки. Ногти обрезаны неровно, явно не маникюрными ножницами; шевелюра лезет в уши и вообще какая-то неухоженная. Зубы... Вроде все на месте, но вряд ли знакомы с «Колгейтом». Кожа грубая – ее даже шерсть на голое тело не смущает; на левом запястье белеет застарелый шрам от рваной раны.

Не очень-то я похож на человека индустриального мира...

Тело не младенца, смиренной рубашки на нем не наблюдается, да и безмозглый «овощ» вряд ли будет ходить в незагаженных штанах. Зеркала нет, по габаритам тоже не сориентироваться, но похоже на обычного подростка или юношу. Выходит, захватил психо-логически сформировавшегося аборигена? Вытеснил его информационную матрицу своей... Неужели такое возможно?

Почему-то стало неприятно. Я не святоша, но как-то это неправильно: Ванькина шайка к такому варианту меня психологически не очень подготовила. Хотя мало ли – может, и «овощ» достался. Не зря же его выбросили за борт! Я не знаю об этом мире ничего, а уже начинаю делать серьезные выводы, не подкрепленные фактами, после чего терзаю себя этическими раз-мышлениями.

Но в одном почти уверен – изотопами криптона здесь разжиться будет непросто.

⁹ Драккар – корабль викингов.

Так, вставать я уже вставал, значит, первый пункт изначальной программы действий выполнен. Что там вторым идет? В ближайших кустах должен находиться рояль – там меня быстро обучат языку и письменности. А может, заодно и магическому кун-фу. Потом займемся булатом.

Мельтешение в глазах почти стихло, проблемы с ушами тоже не сильно достают: я вполне готов приступить к освоению нового мира – не стоит этого затягивать.

Так, ближайшие кусты рояля не спрячут. Надо шагать дальше, там заросли чуть серьезнее.

Музыкальных инструментов в кустах не обнаружилось. Зато обнаружилась куча дерьма – я на нее наступил.

* * *

Не сказать что в моей жизни не бывало таких вот неприятных моментов, но во всех случаях я встречал их во всеоружии – обутой ногой. А сейчас я был бос, и отходы чьей-то жизнедеятельности, сдавленные прессом ступни, с чавканьем поползли вверх между пальцами. Коротко выругавшись, подавил первый порыв бежать к воде – присел перед находкой. Надеюсь, это не птичка нагадила, – если хозяин такой основательной кучи умеет летать, я вряд ли здесь долго проживу.

На вид дерьмо как дерьмо, похоже на человеческое. Но с человеком, столько навалившимся, стоит дружить, он, вероятно, борец сумо или просто от природы очень большой. Брезгливо морщась, поковырял палочкой. Остатки чего-то похожего на рыбью голову, какие-то непонятные ошметки, куски ореховой скорлупы. Он что – эти орехи целиком жрал? Человек такого делать не станет, а вот зверь – запросто. Интересный зверь – и рыбу ловит, и орешки щелкает. Получается, всеядный... Всеядный – это значит, что может и пришельцами из других миров питаться, что при его предполагаемых размерах напрягает.

Рояль в кустах не нашелся, и вообще мне дальше идти перехотелось. Сучки в ступни впиваются, дерьмо под ногами хлюпает, и где-то неподалеку бродит всеядный зверь приличных габаритов.

Вернулся к морю, вымыл ногу, ожесточенно оттирая гадость пучком травы. Мне нужно обзавестись оружием, едой и огнем, а не рояли по кустам разыскивать. И вообще, в кусты больше ни шагу. Не хватало в звериную засаду угодить...

С оружием вопрос решил просто – пошел по берегу, осматривая валявшуюся повсюду древесину. Рано или поздно найду подходящую дубинку или заготовку для копья; заодно разведку проведу. Кто знает, что по пути попадается, да и надо бы понять, куда меня занесло, – плохо, если действительно остров. Мне материк нужен – на меньшее не согласен.

Не привлекает меня карьера робинзона...

Берег был все так же уныло-однообразен. Шуршит под ногами галька; нехотя уступая дорогу, взлетают белоснежные чайки; раскачиваются от ветерка ветки чахлах кустарников. Несколько раз поднимал окатанные обломки чьих-то костей, но все они были столь попорчены морем, что для изготовления орудий труда и обороны не подходили. С древесиной тоже дела плохи – все корявое или трухлявое, ни на что не годное, кроме костра.

Берег все больше поворачивал, и вскоре я начал убеждаться, что это действительно остров: если сперва шел на запад, то теперь на восток. Хотя, возможно, и наоборот – поди сейчас пойми, с какой стороны поднимается местное солнце.

Обойти остров по кругу? А оно мне очень надо? Возможно, найду что-нибудь полезное; возможно, просто силы потрачу зря. Мне бы отдых не помешал – тело немного потрепано и адаптироваться к нему еще надо.

Решил пойдти на компромисс – добраться до виднеющегося вдали мыска. Там к берегу подступали холмы – их подмытые основания топорщились зубьями скал. Может, уютная пещерка обнаружится или убежище от зверья, да и чайки, наверное, все заселили – не мешало бы по гнездам пошарить в поисках яиц. Желудок, до блеска промытый морской водой, при мысли о «пожрать» благожелательно заурчал.

Попить найти – тоже нелишним было бы...

В любом случае забраться повыше – хорошая идея: надо рассмотреть остров и его окрестности.

Мысок оказался странным: каменный, но скальным назвать язык не поворачивается. Будто россыпь огромных валунов с плоскими вершинками – между ними бурлит вода, а наверху ветер шевелит все ту же чахлую траву. Под прикрытием этого природного волнореза притаилась крошечная бухточка, окруженная с суши холмами и скалами. Увидев, что из расщелины к морю спускается крошечный ручеек, едва не испустил восторженный клич: сейчас напьюсь!

Воды оказалось немного – едва сочилась. С трудом нашел микроскопическую заводь – и пил, пока в зубах не заломило. На вкус божественно, а о микробах и паразитах старался не думать. Зачем беспокоиться о том, с чем не сможешь бороться? Из доступных методов обеззараживания – лишь кипячение. Посуды нет, костра тоже нет, а жажда имеется.

Лишь покончив с ней, поднял голову, разглядывая то, на что обратил внимание еще по пути к ручью. На плоской скальной поверхности светлел простенький символ – диагональный крестик. Будто клеточка лотерейного билета перечеркнута. Размер изображения впечатлял – в три моих охвата. Неизвестный «художник» не пожалел времени, выбив в камне две пересекающиеся бороздки. Сделано это было давненько – на линиях уже расплодились пятна лишайника.

Зачем человеку тратить время и силы на столь абстрактное изображение? Это явно не ориентир для проходящих судов и не указатель самолетам для бомбометания. На ум приходит ровно один ответ: передо мной – религиозный символ. Ради такого сил не пожалеют – ногтями будут скалу царапать, пока не увековечат.

Все как на Земле – даже религия есть. Хотя чему удивляться – без веры нет человека. Насколько знаю, ни одного народа или племени без собственного или заимствованного культа в истории не было.

Где религия – там и жрецы, храмы, ритуалы. А я ничего этого не знаю, и вообще еще не акклиматизировался и к телу новому не приспособился. Может, это и к лучшему, что я оказался на маленьком острове. Иначе, глядишь, уже тащили бы меня на костер – за то, что не перекрестился на перекрестке. В жертву тоже могут принести – в древние времена это дело любили.

Под скальным козырьком обнаружились следы старого кострища – черное пятно и закопченные камни. Бухточка вполне подходит для мелких суденышек – люди сюда, возможно, заглядывают нередко. За той же водой. Уже лучше – не век же робинзонить.

Обшарив берег, нашел первый свой трофей – ровную сухую палку, над которой явно поработали чьи-то руки. Возможно, сломанное весло или корабельная деталь. Мне без разницы: заточить с одной стороны – и короткое копьё получится.

Теперь мое имущество состоит из штанов, рубахи и ценной палки. Жаба, радуйся: мы начинаем обзаводиться частной собственностью!

Заметив краем глаза подозрительное движение среди скал, нехотя обернулся. Проблемы с периферийным зрением все еще беспокоили – не сомневался, что столкнулся с очередным глюком. Но я жестоко ошибся: все оказалось очень реально...

Вот же достало!!! Надо мной явно издевается кто-то, засевший очень высоко! То подкинет бонус, то гадость, то пару гадостей, то еще три! Нет чтобы наоборот!..

Здоровенный медведь замер у подножия скалы, рассматривая меня столь же внимательно, как и я его. Только я поглядывал, не скрывая панических настроений, а он был зловеще-спокоен. Сволочь, откуда ты вообще на острове оказался?! Здесь же даже леса нет! Или специально приплыл в честь моего прибытия?!

Медведь приглушенно зарычал, закатывая верхнюю губу: продемонстрировал устрашающий набор резцов и клыков. Эта скотина, похоже, не хочет со мной дружить – остров маленький, мы здесь явно не уживемся при такой разнице характеров. Да и всеядность у них нехорошая – мясом человеческим не брезгают.

Зверь рванул ко мне, взглядом выдавая нехорошие намерения гастрономического характера. Диета из орехов и рыбьих голов ему надоела – мяса захотел.

На объекте меня учили, что в такой ситуации не стоит убежать сломя голову – только хуже будет. Шли бы все эти умники в берлогу пешком – хуже уже не может быть!

Бросив трофейную палку (бежать легче будет), я рванул к основанию мыска. Тело, подхлестнутое выбросом адреналина, влетело в щель меж огромных валунов, по-паучьи упираясь в стены расселины, ловко вскарабкалось наверх. Как там косолапый? Вот же негодяй – ползет следом. Похоже, у него серьезные планы и оставлять меня в покое не собирается – мечтает догнать.

Чтоб ты потом подавился!..

Карабкаться по скале оказалось делом очень нелегким. Я оцарапал палец (да и фиг с ним – до газовой гангрены мне косолапый дожить не даст), едва не сорвался пару раз. А срываться было нельзя: местный гризли пыхтел за спиной, целеустремленно пытаюсь повторить мой маршрут.

Вот и вершина – плоская площадка диаметром шага в три. Сбоку на мой рост вздымается скальный зуб, но забираться туда смысла нет, да и не внушает доверия – растрескался во всех направлениях.

Где там эта тварь? Пыхтит внизу, косясь на меня недобрым взглядом. Забраться по моим следам у него не получается, или просто боится упасть – высота приличная.

– Что, сволочь, с альпинизмом не дружишь?! Вали в свою тайгу, покуда цел! Косолапые по скалам не лазят – рожденный ползать летать не сможет! – Сей радостный крик я подкрепил материальным деянием, а именно: бросил в зверя увесистый камень.

Зря я это сделал – получив булыжником в ухо, медведь нехорошо взревел и, отскочив чуть ближе к краю мыса, полез наверх уже уверенно, без оглядки на риск. Надо признать, разумно поступил – путь там явно удобнее.

Поведение зверя мне, само собой, не понравилось. Заметавшись в ловушке скальной вершины, я лихорадочно пытался придумать метод спасения. Спуститься по другой стороне вряд ли получится – отвесный обрыв. А если и получится, медведь меня легко догонит, и...

Где от него спрятаться на маленьком голом острове?!

Стоп, зачем прятаться? Я уже на хорошей позиции – не стоит ее уступать. Ну-ка...

Повернулся к каменному зубу, расшатав, вырвал из него увесистую глыбу – с трудом удержал в руках. Подскочил к краю площадки, ухнув, вскинул свое новое оружие над головой (откуда только силы взялись?).

Медведь уже преодолел большую часть подъема – останься у меня палка, я бы сейчас мог ему по макушке постучать. Зверь тяжело сопел: дорога наверх давалась ему нелегко. Ловкий какой – не знал я, что они имеют склонность к альпинизму. Или это только местным свойственно, а наши все больше по кедром специализируются?

Да пусть хоть по пальмам на велосипедах катаются – нашел время о зоологии рассуждать!

С резким выдохом (все членовредительские деяния следует делать на выдохе – это в меня вбили на объекте) отправил глыбу вниз – прямиком на голову подбирающегося хищника. Соударение камня со звериной черепушкой получилось на удивление громким – будто у топ-

тыгина не башка, а барабан. Толчок оказался силен – негодуяще взревев, медведь сорвался со скалы, полетел вниз. В процессе аварийного снижения его развернуло, и в щель меж валунов-исполинов мыса он влетел головой вперед.

Голова застряла.

* * *

На скале я просидел еще долго – никак не мог поверить в случившееся. Все казалось, что зверюга притворяется, усыпляет бдительность – ждет, когда я расслаблюсь и спущусь. Хотя разум подсказывал, что это вряд ли: не может медведь остаться в живых, если его голову завернуло назад перпендикулярно телу. Череп застрял в расселине намертво, и шея не справилась с инерцией разогнавшейся туши.

Жаба, устав созерцать мою трусость, начала соблазнять радужными картинками повышения нашего благосостояния. Мы можем обзавестись ценной шкурой, костями, когтями, жилами для оружия и инструментов, и самое главное – внизу нас дожидается целая гора мяса (есть хотелось уже очень сильно).

Спускаться я не торопился, но и время зря не терял. Огляделся сверху – и правда, островок. Маленький и скудный – ни одного дерева, лишь все те же нищие кустики повсюду. Зато далеко на горизонте просматривалось серьезное побережье – или большой остров, или материк.

Вот туда-то мне и надо...

Посмотрев на солнце, убедился, что оно уже перевалило за полдень, начав снижаться. Значит, моя первоначальная версия о расстановке сторон света верна. Таким образом, манящая земля располагается на востоке. Там хорошо, там просторно – там не окажешься запертым в одну клетку вместе с медведем-людоедом.

Кстати, о людоедах – а не пора ли его проведать? Даже чайки перестали верить в жизнеспособность зверюги – бродят в шаге от туши, проявляя интерес к залившей камни крови.

Косолапый при моем приближении не стал набрасываться с торжествующим ревом – мертвее не бывает. Голова его засела в расселине столь надежно, что шкуру и мясо при этом сорвало о камни – обнажился череп. Тело выгнулось, задними лапами коснувшись земли: медведь застыл в гимнастической фигуре «мостик».

Вновь вооружившись палкой, я присел возле добычи и стал думать.

Первое – чем разделывать? Мне понадобится каменный нож или хотя бы отщеп с приличной режущей кромкой. Кремня или иного подходящего материала я за время своих странствий не обнаружил. Здешные скалы состояли из ни на что не годной породы, а разнообразная галька на пляже слишком уж мелка, чтобы рассчитывать на хороший инструмент. Конечно, кое-как я кожу в итоге рассеку, но от мечты снять шкуру целиком стоит отказаться сразу – рискованно потратить зря прорву времени и сил.

Мясо...

Мяса гора, но лучше поголодать, чем есть его сырым. Если здешние медведи и отличаются от земных, то только не кулинарными пристрастиями – судя по обнаруженной ранее куче и явным гастрономическим домогательствам, этот гад готов сожрать все, что угодно (даже пришельца из другого мира). При такой политике питания топтыгины неизбежно превращаются в инкубаторы для паразитов. Причем паразитов опасных – мне в голову вбили четко, что от недостаточно прожаренного мяса можно быстро склеить ласты или раньше положенного возраста начать получать пенсию.

Мне понадобится огонь.

Как его добыть? Способов я знаю много (в теории), но на практике их не испытывал (до такого садизма на объекте не доходило). Что я могу использовать здесь? А выбора особого нет – только сухую древесину, легковоспламеняющийся материал и трение.

Древесины на берегу хватает; в качестве легковоспламеняющегося материала можно попробовать сухую траву и пушистые семена местного растения, похожего на одуванчик.

Первым делом – дрова: обшарил близлежащий берег, стащив к давнему кострищу все, что нашел. А нашел немало – даже приличное бревно попало: в этом мире помимо кустов и травы явно имеется и серьезная растительность. Несмотря на большие габариты, сумел его сдвинуть с места – удельный вес этой древесины явно невелик. Дотащил трофей до моря и отбуксировал по мелководью – первая деталь моего будущего плота (если я решусь самостоятельно отсюда выбираться). Насобирал камней и прихватил найденный кусок кости, достаточно крепкой. Затем долго бродил среди кустов, собирая растительный пух и пересохшую траву.

Решив, что горючего материала мне хватит, вернулся к добыче. Опасение, что запах крови привлечет хищников и падальщиков, не оправдалось – пусто и тихо. Скорее всего нет здесь больше зверья. Остров мал – для него и одного медведя было более чем достаточно. Я так и не понял – как косялапый вообще сюда попал? Но в одном уверен точно: он – одиночка. Не любят они компании, да и опять же – слишком куцые угодья для существования серьезной популяции.

Огонь оставил на потом – решил начать с самого неприятного. Наивно думая, что неприятнее разделки туши ничего быть не может, взялся за мясницкую работу.

Осмотрев тушу, убедился, что несчастный случай, приключившийся с медведем, моей задачи не облегчил. Кожу повредило лишь на голове, но с черепа я качественного мяса не наскребу. От идеи извлечь добычу из расселины и, работая по готовым ранам, добраться до шеи отказался: крепко засела, да и неизвестно, действительно ли это будет легче, чем резать «по целине».

Решил начать с бедра. И на нем же закончить: мяса я нарежу более чем достаточно. Холодильника нет – все не сохранию, а рисковать с копченостями не хочется. Придется завтра вытаскивать медведя на мелководье и отдавать морю – не нужна мне падаль возле лагеря: я твердо вознамерился расположиться у бухточки.

Я царапал шкуру крошечными обломками раздробленной гальки; буравил кое-как обточенной костяной пластиной, даже щепки применил, получив их из разломанной пополам кривой палки.

Шкура в итоге поддалась натиску моего садизма – я проделал неровный, но длинный разрез, добравшись до вожаемого мяса. Дальше дело пошло полегче, хотя смотреть на полученную вырезку без содрогания было невозможно (будто зубами выгрызали – издержки несовершенства инструмента).

В воздухе, проявляя интерес к происходящему, гудели мухи и прочие насекомые – я спрятал добычу в ямку у кромки прибоя, прикрыв сверху той самой, спасшей меня глыбой. И вредители не доберутся, и просолится немного в морской воде.

Все, у меня теперь есть полуфабрикаты для жаркого – дело за огнем.

* * *

Наблюдай за мной Здравствуйте – уже бы, наверное, повесился от позора. Такому безобразию он меня не учил – я явно делал что-то не то. В теории все выглядело просто и понятно, учебный фильм тоже не намекал на сложности, а вот на практике...

Я испоганил немало с трудом подтесанных деревяшек, подарил ветру большую часть запасенного растительного пуха, да и сухая трава пропадала непонятно куда. Ладони у меня

горели огнем, руки ходили ходуном от усталости, в глазах рябило по той же причине, а костра все не было. И даже не предвиделось: несмотря на все усилия, я не то что огня – крошечной искры не получил!

Солнце добралось до горизонта, медленно скрылось. Темнело, а я все крутил деревяшки на все лады с тем же нулевым результатом. Изнеможенный желудок начал строить теории на тему отсутствия в этом мире паразитов и, как следствие, намекал, что можно рискнуть побаловаться сырятиной. Он не от великого голода старался – ему, как и мне, очень сильно надоело занятие последних часов.

Стоп, отдохну. Пять минут передышки – и попробую опять. Успехи налицо – при последних попытках дерево разогревалось так, что прикасаться больно было, да и ноздри улавливали характерный жженный запах. Сейчас вернусь к делу с новыми силами и старым опытом.

На западе темнело, а вот восток, наоборот, подозрительно светлел. Причина феномена показалась из-за горизонта – серебряный диск полной луны. Угловой размер, пожалуй, заметно больше, чем у земного спутника, да и детали различаются четче – те же горы, впадины и, если глаза не врут, исполинский кратер. Настораживает светящаяся дымка вокруг спутника – широкий ореол образует. Неужели атмосфера? Или пылевое облако? Звезды, кстати, тоже высыпают, причем знакомых созвездий не наблюдается. А в остальном небо как небо – никаких странностей.

Поежился – хоть ветерок с моря и затих, но начало резко свежеть. Накинул высушенную рубаху – так будет лучше. Все, хватит резину тянуть: пора заканчивать работу. Я себя уважать перестану, если после стольких часов мазохизма не сумею развести этот долбанный костер!

Со стороны мыса послышался странный шум – будто бревно по щебенке тащат. Волнение на море, и без того несерьезное, к ночи затихло – слышно было прекрасно.

Насторожившись, я ухватился за палку, готовясь к новым негативным приключениям: в положительные бонусы не верилось. Из темноты под скалой материализовался сгусток еще более черного мрака; медленно и неумолимо пополз в мою сторону; выбрался на освещенный луной пляж.

Оживший медведь – болтающаяся на сломанной шее голова скалится ободранном о камни черепом; припадает на заднюю лапу (именно оттуда я нарезал мяса); медленно приближается. И не рычит – все в полной тишине.

Штаны я не испачкал только по причине пустоты кишечника.

Бежать некуда – за спиной и по сторонам скальная стена. Над головой тоже скальный козырек (это чтобы я с помощью левитации не смылся). Выставил перед собой палку, прекрасно понимая, что защитит она меня не лучше зубочистки. Надо было не с костром возиться, а заточить! Хотя какой толк от копья, если против тебя вышел медведь-зомби?!

Зловещий зверюга тоже все понимал и к палке уважения не проявил – небрежным ударом лапы выбил из рук, подался вперед, преодолев последние шаги. С оскаленных клыков струились потеки сукровицы и загустевшей слюны, повеяло смрадом.

Мне оставалось лишь одно – зажмуриться.

Вот и все...

* * *

Как я оказался в море, помнил смутно. Как этот монстр меня не тронул, понимал, но не понимал – почему: восставший из мертвых медведь просто развернулся и медленно растворился в темноте. Видимо, в какой-то момент я осмелился раскрыть глаза и сбежать. Или не раскрывал – так и драпал, зажмурившись.

Бревно, притащенное на мелководье еще днем, пригодилось – я плыл, держась за него. Как у меня хватило ума им воспользоваться, не понимаю – не иначе как жаба постаралась, пока мозги хозяина были парализованы от испытанного ужаса.

Куда я плыл? Тоже не знаю – куда течение несло. Лишь бы подальше от этого милого острова: оставаться рядом с тварью из фильма ужасов мне хотелось менее всего на свете.

Вспомнил о так и не съеденном мясе, оставшемся под камнем. Желудок скрутило судорогой, но полноценной рвоты не вышло – лишь воздух и слюна.

Глава 4

Кое-что о попугаях

Восход солнца я встретил все на том же бревне (а куда ты денешься с подводной лодки?). К тому времени я начал понемногу здесь обживать: на огрызках сучьев узлом завязал штаны и рубаху; обхватив ствол руками, попытался подремать (безуспешно).

Рассвет разогнал ночные страхи, заставив здраво подумать о странных событиях. А не стал ли я жертвой галлюцинации, вызванной проблемами адаптации к новому телу? Вспомнил – монстр двигался в полной тишине. То есть глаза выдавали информацию, а слух нет – это вроде бы один из признаков обмана зрения.

А как же нюх? Я запах почуял из пасти – нос тоже был обманут?

Не так уж часто люди попадают в другой мир, да еще таким мистическим способом – мало ли что при этом может произойти в голове! Ведь мертвые медведи не ходят – это бред. Поспешил я вчера: надо было головой думать, а не тем, чем обычно.

Возвращаться назад, правда, почему-то не хотелось – голос разума не убеждал. Альтернативной суши тоже не предвидится – море пустынно. Но ничего: я же помню, в какой стороне был тот берег, замеченный со скалы. Солнце есть – ориентируюсь.

Бревно было слишком крупным, и, несмотря на все мои усилия, оставалось непонятным: сдвигается ли оно в нужном направлении или так и дрейфует по воле течения? Не имея ориентиров, не понять. Монотонные усилия без видимого результата серьезно напрягали, к тому же я чертовски голоден, перенес несколько стрессов и одну собственную смерть, устал как собака, ночь не спал и начал синеть от холода: морская вода все же не парное молоко.

Мне себя было жалко.

А вот жалеть себя не надо – это может навредить больше, чем перелом ноги. Нельзя расслабляться. Если мозг начинает капризничать, надо его загрузить, чтобы не оставалось времени на чепуху.

Для затравки я начал вспоминать параметры резонатора. При всей его гениальной простоте там было что вспомнить: количество витков в каждой катушке, сечение проводов, толщина изоляции, химический состав материалов сердечников, способы запаивания вакуумных диодов и прочее-прочее. Сотни цифр, три страницы текста с инструкциями по сборке, настройке и эксплуатации – я загрузил мозг на целый час.

Затем дошла очередь до генератора и контрольно-измерительных приборов – еще час.

Ногу от холода и монотонных движений свело судорогой. Едва с ней совладав, я услышал хлопанье крыльев, и на дальний конец бревна уселась птица – крупный зеленый попугай с огромным клювом. Осмотрев меня неуважительным взглядом микробиолога, изучающего кишечного паразита при помощи микроскопа, он, потеряв к пришельцу из другого мира всякий интерес, начал чистить перышки.

– Эй! Зеленый! Попугаи над морем не летают! Ты откуда здесь взялся? С пиратского корабля? Или возомнил себя чайкой?

Птица, прекратив чистить перышки, уставилась на меня заинтересованно – человеческий голос ее явно заинтриговал.

Развивая успех, я рассказал пошлый анекдот про жену, любовника и попугая. Зеленый приблизился на пару шажков, склонил голову набок – заслушался.

Впервые в новом мире у меня появился полноценный собеседник – патологически жадную ручную жабу в расчет не беру.

* * *

Когда анекдоты про попугаев закончились, мы стали почти друзьями. Зеленый расположился в шаге от меня, на пеньке, оставшемся от толстой ветки, и, чистя перья, не забывал проявлять интерес к моему монологу. Я был ему за это благодарен – с того момента, как он появился, мне больше не приходилось загружать мозг скучными цифрами и описаниями. Я морально отдыхал, продолжая толкать наше плавсредство в сторону суши.

– Эй! Зеленый! Анекдоты про пернатых закончились – больше не могу вспомнить. Может, на стихи перейдем? Как ты относишься к Гумилеву? Хорошо относишься? Молчание – знак согласия! Итак, Николай Гумилев, стихотворение «Попугай». То есть про тебя. В этом мире исполняется впервые – эксклюзивная декламация.

Осторожно перебросив ногу через бревно, я блаженно замер: отдохну минут пять, и заодно познакомлю зеленого с шедеврами земной поэзии:

Я – попугай с Антильских островов,
Но я живу в квадратной келье мага.
Вокруг – реторты, глобусы, бумага,
И кашель старика, и бой часов.

Восхищенный птиц, разинув клюв, взволнованно ловил каждое слово – явно за душу задело.

Пусть в час заклятий, в вихре голосов
И в блеске глаз, мерцающих, как шпага,
Ерошат крылья ужас и отвага,
И я сражаюсь с призраками сов...

Попугай, покинув позицию, подобрался ко мне, присел, вытянул шею, будто пытаюсь изобразить хищного ящера мезозоя.

Пусть! Но едва под этот свод унылый
Войдет гадать о картах иль о милой
Распутник в раззолоченном плаще...

На этой строке меня невежливо перебили:

– В этом кабаке подают свежее пиво? – пропитым голосом матерого алкоголика поинтересовался попугай.

– Что?!!

Поступок пернатого оказался столь неожиданным, что я, дернувшись, опрокинулся набок, из-за чего бревно совершило пол-оборота вокруг своей оси. Зеленого при этом едва не смыло за борт – чудом успев взлететь, он с противно-укоризненными криками начал описывать круги над моей головой.

Вернув плавсредство в прежнее положение, я замер, ожидая, когда говорящий птиц успокоится. Долго ждать не пришлось – попугай вернулся, устроившись как можно дальше от меня – перестал доверять такому неуклюжему мореходу.

– Зеленый, прости! Давай забудем о моем прегрешении. Согласен? Отвечай. Ну? Скажи хоть что-нибудь! Или у меня опять галлюцинации начались – теперь уже слуховые?!

В ответ лишь холодное презрение. Ну ничего, сейчас тебя расшевелю!

Я рассказал попугаю сказку про Колобка. Потом отрывок из пушкинской «Полтавы». Затем дошла очередь до Горация. Про Колобка, судя по заинтересованным посвистываниям, ему понравилось больше всего, но ни слова, гад, в ответ не произнес.

Пришлось перейти к артиллерии посерьезней – я начал петь песни. От попсы до авторских – одну за другой. На «Арии» ошеломленный птиц начал сдаваться – чуть не завалился на пятую точку от культурного шока и, быстро перебирая лапами, бочком прискакал ко мне, заискивающе заглянул в глаза, всем своим видом намекая на продолжение.

– Что, зеленый, рок уважаешь? Жаль, без музыки – ты бы тогда плясать начал. Продолжать? Ну? Хотя что-нибудь ответь!

– Якорь тебе по лбу! Плевков ходячий! Земля по курсу! – хрипло выкрикнул попугай.

На этот раз я совладал с собой – бревно даже не дрогнуло. Зеленый действительно разговаривал, причем я его прекрасно понимал. Но при этом ни одного знакомого слова – едва о них начинаю задумываться, как получаю просто бессмысленный поток звуков.

Однако каким-то образом понимаю, о чем речь...

Где-то рядом робко зазвенела рояльная струна – палец великого мага (или, если мир не магический, великого мудреца с таинственным артефактом) коснулся клавиши. Это чужой язык, ничем не похожий на знакомые мне земные (а я в свое время «иняз» окончил – немного соображаю). Раз все понимаю (хотя и не без странностей), то какой вывод? Нет, в то, что меня обучил попугай-гипнотизер, я не верил. Эти птицы и на Земле поболтать не дураки – ничего удивительного: жил на корабле, потерялся, летел над морем, устал, увидел бревно, присел отдохнуть.

Не в попугае дело. Куда бы ни пропала информационная матрица прежнего хозяина тела, кое-что от нее мне осталось в наследство. Как минимум знание языка (или языков). Пусть даже частичное. Видимо, в мозгу на этот случай имеется автономный «жесткий диск», сохраняющий информацию после гибели системы: ставь новую операционную систему – и пользуйся.

Интересно: понимать я зеленого понимаю, но сказать что-нибудь на его родном языке не могу. Но уверен – это возможно. Знание языка, похоже, даже на физиологическом уровне оставляет след – мой непрерывный монолог на родном великом и могучем привел к спазмам в языке и одеревенению глотки. Чужой речевой аппарат не был приспособлен к произношению подобных созвучий. А вот попытка воспроизвести то, что говорил попугай, будто бальзам на рану: могу часами такие словечки выдавать без напряжения.

Размышляя на тему лингвистики, я неосторожно расслабился, потеряв бдительность, за что и поплатился. Попугая мое молчание огорчило – взгляд у него стал злобно-раздраженным; издав негодующий крик, он больно клюнул меня в нос, после чего, мастерски избегая расплаты, шустро взлетел.

– Ах ты, петух-недоросток! – выкрикнул я вслед, успев чуток обрызгать негодяя водой.

Зеленый, описав надо мной круг, торжествуяще крикнул и почесал на восток по прямой, наверное, изображает из себя перелетную утку. Я в орнитологии мало понимаю, но почему-то уверен, что попугаи не любят крейсировать над бескрайними морскими просторами. Крылья у них куцые, корма широкая – не асы. Тем удивительнее его поведение: он явно полетел вдаль не просто так.

Опираясь о бревно, я приподнялся как можно выше, глядя вслед летучему паршивцу. Так и есть – впереди виднеется что-то похожее на одинокую скалу посреди моря. Не будь зеленого – не заметил бы: мой курс проходит гораздо севернее. Плывать дальше или подкорректировать? Сил уже нет – так охота отдохнуть и погреться. И подкрепиться не мешает.

Подкорректировал.

* * *

Островом это назвать язык не поворачивался. Действительно скала – будто хрущевская пятиэтажка в два подъезда из моря поднимается. Вокруг россыпь камней, о которые разбиваются мелкие волны, разгулявшиеся к полудню. Ни кустов, ни травы – лишь пятна лишайников и вездесущие чайки, с криком носящиеся во всех направлениях.

И борт огромной деревянной лодки, застрявшей между камнями.

Забраться на нее удалось не сразу – волны, разгулявшиеся на мели, мешали. Пришлось отбуксировать бревно в тихий уголок, уже оттуда лезть на камень, а потом наконец на борт.

Наивные мечтания о трюмах, полных сокровищ, марочных вин, деликатесов и обнаженных танцовщиц, пришлось отбросить – волны, похоже, носили по морю эту лодку не один месяц. Ее крутило в водоворотах, било о мели и камни – все, что могло потеряться, давно уже потерялось. Течение принесло сюда жалкие остатки: киль, вытесанный из цельного куска дерева, и несколько шпангоутов с остатками обшивки. Поживиться здесь абсолютно нечем, и этому я не удивлен – на бонусы уже не рассчитываю.

Присел на теплые от солнца доски.

Тепло, светло – благодать.

Прилег. Вырубился почти мгновенно.

Даже на мягкой кровати и чистых простынях я ни разу не спал так крепко и с таким удовольствием, как на просоленных досках разбитой лодки чужого мира.

* * *

Проснулся, когда солнце прошло уже три четверти своего дневного пути: дело приближалось к вечеру. Волнение опять затихло, но рядом раздавался странный звук – будто карликовый конь топчется копытами по доске и чем-то шуршит при этом.

Это оказался не конь – мой зеленый знакомый с голодным видом возился в куче водорослей, нанесенной волнами на борт. Покосившись на меня, он уныло произнес:

– Скучно мне.

– Я тебя понимаю, – сказал, уже поднимаясь.

Поспать бы еще часиков десять, но не стоит – надо до темноты успеть хоть немного подкрепиться. Бросив взгляд на кучу вонючих водорослей, не стал составлять конкуренцию попугаю: пусть сам в ней копается. У меня организм большой – мелкими дохлыми рачками его не накормить.

Чаек летало видимо-невидимо, и гнезд на скале виднелось не меньше. Хищников здесь явно не бывает – обнаглевшие птицы селились на любом мало-мальски подходящем выступе. Мои занятия альпинизмом их насторожили – начали с криками носиться вокруг, едва не задевая крыльями. А когда я добрался до первой кладки, вообще чуть с ума не сошли – пришлось отмахиваться, чтобы глаза не выклевали.

Яйца были мелкие и на вкус не очень, но слопал их с удовольствием. Даже наличие зародышей не смутило – выплюнул их и полез выше. Брезгливость – первый признак сытости, голод быстро делает человека всеядным.

Так и карабкался от гнезда к гнезду. Заодно обогатился новой информацией о мире: раз до птенцов дело еще не дошло, то, очевидно, на дворе сейчас вторая половина весны или начало лета. В любом случае не осень. По растительности на острове это определить невозможно: у трав разные сроки цветения и созревания семян; с кустами тоже не все просто – я не замечал на них ни соцветий, ни плодов. Лишь скорлупа орехов в медвежьем помете встрети-лась, но это вполне могли быть остатки прошлогоднего урожая.

На очередном гнезде пришлось остановиться – лезть дальше было безумием: почти отвесная скала и пикирующие на голову птицы. Спустился, обошел этот жалкий клочок суши по кругу, едва не сломав ногу на камнях, но другого места для подъема не нашел – сплошной обрыв. Желудок жалобно заурчал, прямым текстом заявляя, что хотелось бы продолжить банкет: трех десятков яиц этой прорве показалось мало.

Да разве это яйца – не больше перепелиных...

Вернулся к останкам лодки, проверил одежду. Все высохло, покрывшись пятнами соли. Ничего, доберемся до пресной воды – отстираю это раздражающее дело.

При мысли о пресной воде облизал пересохшие губы. Пока плавал, жажда сильно не донимала, а вот на суше начала грызть. Это может стать проблемой: морская вода – медленный яд (а может, и не медленный – состава ведь не знаю). Да и не напьешься ею по-настоящему.

Покосился на скалу. Забраться бы наверх: оттуда точно можно будет сушу разглядеть. Да уж... дадут тебе эти крылатые твари залезть, помечтай... Мне для полного счастья не хватало еще на камни сверзиться с десятиметровой высоты или глаз на чьем-то клюве оставить. Скажите спасибо, что я чайками не питаюсь – знаю, что мясо у вас зловоннее, чем тухлая рыба. Я не такой уж эстет, но есть подобное, да еще и в сыром виде... Лучше поголодаю.

Попугаю надоело копать в водорослях. Вспорхнув, он пристроился на шпангоуте, сунул голову под крыло, явно намереваясь поспать. Хороший пример для подражания, но чуть позже.

Нащупав на дне здоровенный, но подъемный валун, вытащил на борт. Пучком водорослей кое-как отер с него зеленую слизь, дождался, когда поверхность чуть подсохнет: не хотелось бы, чтоб из рук выскользнул при замахе.

Когда камень с силой ударил в край расшатанной доски, остатки лодки содрогнулись, попугай, проснувшись, заорал на все лады и даже вроде бы выругался на неизвестном моему новому телу языке. Я не обиделся – был занят осмотром результатов моей деструктивной деятельности.

Доска треснула как раз там, где предполагалось. Расшатав по слому, отодрал, покрутил в руках. Для моей цели сойдет. С помощью другого камня, гораздо меньших габаритов, обстучал все угрожающие места – не планировал завтра получить занозу.

Почему завтра? Да потому что сегодня я приготавливаю еще одну доску, а потом лягу спать и буду заниматься этим приятным делом до утра.

* * *

Ночь прошла спокойно. А если и беспокойно, то я этого не слышал – спал как убитый. И снов не снилось – голова пустая-пустая. Мне сейчас легко: надо просто выживать – и больше ничем не грузить свою бедную голову. Даже предраассветный холодок не смог меня поднять – свернулся калачом и продолжал отлеживать бок.

Встав вместе с солнцем, разделся, прикрепил под бревно доску, подвязав ее крест-накрест с помощью штанов и рубахи (как замечательно, что она с длинными рукавами). Потом долго брел по мелководью – вокруг скалы оно тянулось далеко. Идти приходилось осторожно: под ногами хаотическое нагромождение огромных валунов и опрометчивый шаг мог привести к серьезной травме.

Выбравшись на глубину, я ухватился за один из пеньков, осторожно пристроился на осевшем под моим весом бревне будто всадник, вместо стремян используя привязанную снизу доску: ступнями в нее уперся. Попытался грести заготовленной вчера доской – и едва не перевернул свой «крейсер». После нескольких неудачных попыток кое-как приноворился – пошел вперед с заметной скоростью. До байдарки, конечно, далеко, но уже чувствуется, что двигаюсь туда, куда надо. Только настороже все время надо быть: одно неловкое движение – и опроки-

нусь набок... Будто бешеного быка оседлал. Если поднимутся волны, придется плыть вчерашним способом – усидеть не смогу.

Но пока что погода мне благоприятствовала, хотя я и уверен, что надолго это не затянется, наверняка на горизонте уже собираются ураганы и смерчи для очередного негативного бонуса.

Осторожно обернувшись в очередной раз, с трудом разглядел скалу – далеко позади осталась, причем точно за «кормой». Это порадовало: значит, течение не сносит меня вбок, а, возможно, даже помогает... или, наоборот, назад несет.

Над головой захлопали крылья – попугай шмякнулся на бревно, уверенно потопал к облюбованному еще вчера пеньку.

– Доброе утро, Зеленый. Песен сегодня не будет – перевернуться неохота. Так что извиняй.

Не дождавшись от меня концерта, попугай занялся традиционной чисткой перьев, а я продолжал монотонно работать доской, будто байдарочным веслом.

Руки начали уставать.

* * *

Сушу я разглядел часа через два-три. Хотя не уверен даже в этом – точно определять время по солнцу не научился, а сознанию доверять в этом вопросе нежелательно: иной раз пять минут тянутся будто день.

С виду та самая земля, что со скалы веселого острова разглядывал. Широкое побережье. Как минимум огромный остров, но лучше бы это оказался материк.

При виде цели заработал еще усерднее – морские прогулки мне надоели до чертиков. Из-за спешки едва не перевернулся – сумел удержать равновесие благодаря резкому нажиму на край опорной доски, работая при этом короткими гребками от себя.

Попугаю, похоже, плавание надоело не меньше, чем мне: жадно поглядывая в сторону далекой земли, он явно дожидался удобного момента, чтобы покинуть неустойчивый «авианосец». И наконец этот момент настал – захлопали крылья, зеленая точка растаяла вдалеке.

Везет ему, а мне еще грести и грести...

Но все плохое рано или поздно заканчивается (или его сменяет еще более плохое): около полудня я подобрался к земле так близко, что мог различить каждый кустик на берегу. Кроме кустиков здесь, кстати, имелась и древесная растительность – что-то вроде высоких сосен, растущих на пологих, очень низких холмах. Может, это песчаные дюны?

Берег мне нравился все больше и больше – ничем не похож на тот трижды проклятый остров, приютивший меня после прибытия.

На последних метрах пути пришлось почти добровольно свалиться в воду: волнение здесь не позволяло усидеть на бревне. Ноги уткнулись в песчаное дно – вода едва до груди достаёт. Дотащил «корабль» до суши, пошатываясь, будто матрос, переживший месячный шторм, выбрался на берег, расстелил одежду, присел.

Все, плавание окончено. На третий день странствий пришелец из другого мира достиг Большой Земли.

Захлопали крылья (очень знакомый звук), на бревно плюхнулся попугай, уставился на меня с ожиданием.

– Что, Зеленый, вернулся? Признайся, что ты от меня в восторге, вот и не можешь остаться в покое.

– Винца хлебом? – с затаенной надеждой поинтересовался птиц.

– Спрашиваешь, – устало усмехнулся я. – Еще немного – и на ослиную мочу соглашусь: губы слиплись, хоть разрежай.

Попугай, сорвавшись с места, упорхнул напрямик к лесу, зазывающе побрякивая на лету. Неужели и впрямь к винному погребу направление показывает? Не очень в это верится, но расслаживаться не стоит – надо найти воду, пожрать и оружие. И про огонь тоже не забывать... будь он четырежды проклят...

Проваливаясь почти по щиколотку в чистейший, почти белый песок, направился следом за попугаем. Лес встретил ядреным ароматом хвои, идти по подстилке стало легче, даже шишки не беспокоили – огрубевшая кожа ступней на них не реагировала.

Взбираясь на холм, подобрал увесистую палку. Не дубина, но при случае врезать такой можно хорошо (или выбросить, чтобы бежать легче было).

Кроме шишек, сухой хвои и палых веток частенько встречались грибы. Но, несмотря на лютый голод, даже не думал на них соблазняться: грибы – последнее, что я решусь здесь попробовать. Понятия не имею, какие съедобные, а от каких «мама» не успеешь сказать; и при таком риске пищевая ценность не впечатляет – легче бумагой насытиться.

На спуске пришлось огибать парочку поваленных деревьев – судя по зеленой хвое, упали они недавно. Не поленился заглянуть в ямы, оставленные вывороченными корнями. Как и подозревал – ничего, кроме песка. И впрямь дюны.

Попугая видно не было, и я, отходя от берега все дальше и дальше, начал подумывать вернуться. Бродить по этим дюнам можно сутками без толку – вряд ли при таком грунте найдется родник или ручей. Лучше уж шагать вдоль моря, шлепая по накатывающимся волнам, – мокрый песок держит не хуже асфальта. По нему легко идти с комфортом, пока не наткнусь на устье какой-нибудь приличной реки. Это не просто возможность напиться – на берегу можно встретить деревню или город. Не могу же я вечно бомжевать в одиночку: рано или поздно придется выбираться к людям.

И лучше рано...

* * *

Хорошо, что решил пройти еще немного – привлекли какие-то отблески впереди: будто маленькие сгустки светящегося тумана водят хоровод среди деревьев. Когда приблизился, ничего не обнаружил – видимо, глаза от усталости шалят. Или не от усталости... Вспомнился тот медведь – неужто опять галлюцинация пожаловала? Нехорошие симптомы... Остается надеяться, что это временная реакция на перенос.

Пока искал эти огоньки, заметил, что местность дальше резко изменилась. Заинтересовавшись, продолжил путь. Дюны здесь исчезли, потянулись заросли густого ярко-зеленого кустарника, перемежаемые перелесками. Сосен уже не было – что-то лиственное, вроде ясеня и тополя. Ботаник из меня не очень, да и на объекте не сильно озадачивали такими знаниями, так что, возможно, деревья ничем не отличаются от земных. Не удивлюсь – ведь местный человек точь-в-точь как наш, так почему бы и остальному не быть аналогичным...

Пробравшись через очередную полосу кустов, растянул рот в блаженной улыбке. Вода – маленькая речушка, скорее даже ручей, стиснутый крутыми берегами.

Найдя удобный спуск, торопливо скатился вниз, распугивая лягушек, припал на колени. Вода не такая вкусная, как в том крошечном ручейке на острове, и далеко не холодная, но выпил я ее столько, что, наверное, уровень понизился.

Утолив жажду, отполз от берега, присел на склоне. Надо минут пять передохнуть, чтобы вода чуток усвоилась, а то брюхо колыхнется, будто бурдюк переполненный, да и ноги гудят.

Долго медитировать не смог – шило в одном месте не позволило. Встал, опять спустился к воде. Нет, не пить: присев, начал разглядывать свое отражение. Море, даже спокойное, этого не позволяло – постоянно рябь и волнение: мертвый штиль только ночью бывал, но при лунном свете не очень-то собой полюбишься.

Каштановые волосы в силу превратностей судьбы уложены в прическу «взрыв на макаронной фабрике»; вытянутое лицо с тонкими губами и широкими карими глазами; под узким носом намечается пушок. Ничуть не похоже на мое родное тело: я мало того что был пошире в кости, так еще и блондин с круглой мордой, украшенной поломанными ушами и носом-картофелиной. Описание, конечно, выдает уродца, но сам я так не считал – практически красавцем был... просто нестандартным.

Хотя себе признаюсь честно: это тело несколько симпатичнее, хотя и хлипковато.

Ничего, мясо на кости нарастим. Судя по виду, лет этому парню было не больше восемнадцати-девятнадцати – все еще впереди.

Рядом захлопали крылья (очень знакомо захлопали), над головой промелькнул зеленый комок, влетел в здоровенный куст, затормозил, плюхнулся на ветку. Раскачиваясь на ней, будто на качелях, попугай, делая вид, что меня не замечает, начал жадно лопать какие-то ягоды, похожие на жимолость. Может, и правда жимолость? На других кустах только цветы или чуть заметные завязи, а здесь уже плоды – она ведь рано спеет. Уж очень сильно есть хочется... Нет, лучше не рисковать: мне только проблем с отравлением не хватает. Хотя...

Подойдя к кусту, я сорвал несколько ягодок, попробовал. Вкус нежный, но горечь остается – и правда на жимолость похоже. Больше есть не решился: если не будет последствий, потом попробую еще. Хотя можно и не пробовать – энергетическая ценность у подобной пищи ничтожна. Мне не витамины нужны, а калории...

– Зеленый, спасибо, что на воду навел. Ты, оказывается, умный тип и друзей не забываешь.

Попугай даже не посмотрел в мою сторону – лопал так, что клюв стучал, будто пулемет. Тоже, бедняга, оголодал – морские рачки у него, похоже, в печенке уже сидели (или что он там среди водорослей выискивал?).

В прозрачной воде пронеслась стайка каких-то достаточно приличного размера рыб. Проводил их тоскливым взором: удочки у меня нет (и не предвидится); острогу сделать и то проблема – нечем палку заточить.

Есть хотелось очень сильно.

* * *

Первую лягушку я поймал после пары десятков бесплодных попыток – эти гадины оказались очень шустрыми и в плен сдаваться категорически отказывались. Разбил пленнице голову ударом палки и, призадумавшись, изменил тактику.

Теперь не гонялся за ними по берегу и не шарил в тине, пытаясь их нащупать в водной стихии. Поступал просто и жестоко: пришибал ударами длинной палки. Далеко не всегда с первой попытки, но эффективность охоты все равно увеличилась на порядок. Здешние квакуши, похоже, не слишком пуганные – подпускают близко. В итоге так приловчился, что нескольких ухитрился в прыжке подловить, будто бейсболист мячик. Это радовало – похоже, с координацией движений у нового тела уже полный порядок.

Адаптируюсь к нему потихоньку.

Через пару часов террора на берегу лежало почти четыре десятка зеленых трупиков. Набил бы и больше, но жаба помалкивала – видно, устала, что ее прикончат вместе с остальными родственниками. Попугай, наблюдая за моими злодеяниями, вероятно, тоже начал испытывать беспокойство за свою судьбу – исчез бесследно, так что я остался в одиночестве.

А теперь предстоит самое главное – развести огонь. Я, конечно, третий день уже не питаюсь, а страдаю, но жрать сырых лягушек отказываюсь категорически – на жареных и то с трудом согласился. Может, французам это и нравится, но я-то русский.

В этот раз подготовился основательнее. Запасся палками из разных пород древесины, натаскал к речке горючего материала: сухой хвои и травы, шишек. В старом пне, оставшемся от упавшей сосны, позаимствовал рыжей трухи – если верить моим «учителям», отличная вещь для подобных целей.

Потом занялся уже знакомым делом: тер палку о палку, крутил их по-всякому, подсыпал то хвою, то траву, то труху, то все вместе в разных пропорциях. В конце концов нашел более-менее приличный вариант: широкий кусок какого-то не слишком крепкого дерева и короткую ветку, подобранную в хвойном лесу. Ею я достаточно быстро протер желобок, куда и подсыпал все, чем был богат.

Несколько раз показывался дымок, но, бросая работу и используя свои легкие для раздува пламени, я оставался ни с чем. В очередной раз не стал торопиться – продолжал шевелить палкой, ухитряясь губами подкидывать в желобок пучки сухих хвоинок. Под моим напором огненная стихия начала покоряться – дымило все сильнее, а затем и вовсе вырвалось пламя.

Тут же подбросил жменю отборной хвои, раздул, выждал, когда все пыхнет, вывалил огненный поток на заранее приготовленную кучку шишек, обложенную сухими сосновыми веточками. Убедившись, что костер уже не потушить, сбил пламя со своей «зажигалки»: пригодится еще.

Через несколько минут огонь ревел, ненасытно поглощая уже серьезные дрова. Я, спустившись к воде, занялся нанизыванием лягушек на прутики. Когда вернулся наверх, увидел, что попугай уже здесь – расселся на ветке неподалеку от костра и косится на меня с таким недовольным видом, будто я ворвался в его дом без приглашения. Вот что бывает с птицами, долго прожившими среди людей, – даже получив полную свободу, не хотят оставлять тебя в покое.

От лягушек Зеленый отказался – воротил клюв с брезгливым видом. А я вот не привередничал – уплел всех. Не скажу, что мне это очень понравилось, но брюхо набил гораздо серьезнее, чем теми жалкими яйцами на скале посреди моря.

Ночью несколько раз просыпался, подкидывая с вечера приготовленные охапки дров. Один раз подскочить пришлось из-за кошмара: приснились гигантские лягушки с окровавленными головами – зловеще пошатываясь с боку на бок, они, передвигаясь на задних лапах, гоняли меня толпой по дюнам.

Несмотря на жаркий костер под боком, пот при этом неприятном пробуждении почему-то оказался холодным.

Глава 5

Туземные странности

– Зеленый, расскажи: а как ты вообще в море очутился? Непонятно мне это. Шторма не было, так что корабль твой утонуть не мог; что с материка прилетел, не верю – ты ленив до безобразия и в такую даль тебя палкой не загнать. Если, допустим, шторм разыгрался еще до моего прибытия – тоже не сходится: ты бы сутки вряд ли смог протянуть над волнами. Сдается мне, твой хозяин тебя попросту вышвырнул за борт, придав пинком ускорение, так что ты летел стрелой до самого моего бревна. Так это было? Да? Молчишь? Стесняешься признаться? Не стесняйся – со мной, возможно, аналогично поступили. Выбросили в море – и пошел я ко дну, крабов кормить. Кстати, о крабах – не отказался бы... Зеленый, здесь крабы водятся? Мне бы побольше и повкуснее.

Попугай, устроившись у меня на левом плече, все вопросы игнорировал. То перышки чистил, то по сторонам оглядывался и явно всем был доволен. А чего не радоваться – я шагаю, а его везут.

Шел я с самого утра. Как вчера замыслил – шлепал босиком по накатывающимся волнам в южном направлении. Почему в южном? Не знаю... Наверное, потому что там должно быть теплее. Я в принципе и здесь не очень-то мерзну, но мало ли...

Труднее всего было расставаться с костром. Я чуть мозг не вывихнул от напряжения, но так и не придумал простого и удобного способа таскать с собой его частичку. Можно насыпать раскаленных углей в керамический сосуд, но у меня нет такого сосуда; я не знаю, где взять подходящую глину для него; зато прекрасно знаю, что, имея отличное сырье, придется убить море времени и сил на гончарную работу. Заменить горшок изделием из дерева и коры – неразумно: горючие материалы. Даже если обмазать их глиной (которой у меня нет), никакой гарантии не будет. Да и громоздкое сооружение получится.

Поступил проще – нес с собой те самые деревяшки, благодаря которым получил вчера огонь. Если не будет форс-мажора, я всегда смогу повторить священнодействие. Пусть на это уйдет час или два, пусть прибавится мозолей на ладонях – это все же лучше, чем тратить дни и недели на поиски глины и последующую работу.

Поначалу шел вниз по речушке, обнаруженной с помощью попугая (как раз на этом этапе он обнаглел настолько, что расселся у меня на плече). Наивные надежды найти по пути следы людей вскоре пришлось отбросить – русло развернулось к западу, и, перебравшись через сузившуюся здесь полосу дюн, я выбрался к устью.

Вот и топал теперь по берегу, развлекаясь беседой с попугаем (скорее монологом: он сегодня помалкивал). Без него было бы совсем скучно – очень уж однообразно все. Лишь изредка в поле зрения оказывалось что-то новенькое. Я наткнулся на почти рассыпавшийся скелет кита (при жизни в нем было метров шесть длины); несколько раз встречал пустые панцири черепах (самый большой – около метра в диаметре); один раз испугал непонятного зверька, похожего на мелкую черную лисицу, – он обшаривал выброшенные на берег груды водорослей. Часто попадались остатки медуз и рыб; особенно впечатлила двухметровая торпеда, похожая на полурасложившегося осетра: заметил ее на мелководье благодаря куче суетящихся над «лакомством» чаек.

Попалась речка – чуть больше той, что я оставил позади. Напился, сделал привал, но идти по ней вверх не стал. Слишком крошечная, чтобы надеяться встретить выше по течению деревню или тем более город.

К хижине вышел уже после полудня.

* * *

Заметил ее не сразу. Мог вообще пройти мимо, если бы на глаза не попало несколько прямых палок, воткнутых в песок. Сами собой они втыкаться не будут – это явно неспроста. Направившись в ложбину меж дюн, не удивился, обнаружив там тропу. Помимо этого сделал еще одно открытие: заросли малины. Вполне земная на вид: отличий не заметил. Ягод нет – только цвести начала.

Через полсотни шагов, преодолев полосу широколиственных кустарников, увидел маленькую невзрачную хижину: стены из жердей и стеблей тростника, крыша покрыта пластами коры и обмазана глиной. Под навесом сохнет перевернутая лодка, в стороне чернеет потухший очаг – даже дымка не видать.

Кашлянул для приличия – ноль реакции. Похоже, никого нет дома. Осторожно заглянул. Стены, просвечивающие в миллиарде мест, осмотру не помешали – я легко разглядел всю обстановку. Да и нечего здесь разглядывать: две жердевые лежанки, стол между ними из тех же жердей – и больше ничего. Как и в той разбитой лодке у скалы – ни одного металлического предмета: дерево, кора, стебли тростника, ленточки лыка и размочаленные травяные стебли в качестве скрепляющих материалов.

Осмотрев землю возле очага, обнаружил богатые россыпи разнокалиберной рыбьей чешуи. Это подтвердило мои подозрения: хижина явно нежилая; люди появляются здесь время от времени. Зачем появляются? Судя по уликам, с целью рыбалки. На это же намекают лодка и те загадочные палки на берегу – там скорее всего развешивали сети для просушки.

Дальнейшие рассуждения привели меня к мысли, что рыбаки приходят сюда по суше – иначе лодка здесь бы не осталась. Осмотрев прилегающую местность, быстро нашел тропу в глубь материка – она тянулась напрямик на восток. Не придумал ничего лучшего, чем просто пойти по ней: не возвращаться же к берегу, даже не попытавшись найти населенный пункт, к которому непременно должен привести этот путь. Следопыт я, конечно, неважный, но здесь будто слоны потоптались – не заблужусь.

Продвигаясь по тропе, я волновался все больше и больше. Меня беспокоили люди – здешние люди. Какие они? Пока что я знал о них немного: они способны выбросить за борт такого замечательного человека, как я; им не лень рисовать на скалах крестики по пять метров в размахе; они не используют металла, или он у них слишком ценен и применяется далеко не везде.

Не сказать, что слишком много позитивной информации...

Я – чужак. За мной никого нет. В примитивном обществе это плохо. Возможно, для такого, как я, предпочтительнее встретиться со стаей оголодавших волков, чем выйти средь бела дня из лесу к людям и сказать: «Привет вам!» Могут избить и ограбить («Хозяин, ты всерьез размышляешь, что кто-то польстит на твои портки и рубаху?»); могут просто убить из страха перед незнакомцем или из-за странных местных обычаев (или вообще просто так – как муху мимоходом прихлопывают); могут принести в жертву. Могут банально схватить – и продать на здешнем невольничьем рынке, после чего немного поработают тупыми ножницами и определяют в гарем... причем не султаном...

Даже в самых дурацких книгах, которые мне подсовывал Ваня, первые встреченные героями люди (или нелюди) далеко не всегда были настроены дружелюбно. И я прекрасно понимал их авторов – они, как и я, не верили в то, что в другом мире принципы гуманизма всех победили и человек человеку стал братом.

Под влиянием этих мыслей я стал идти помедленнее, хотя отказываться от своих намерений не собирался – мне все равно придется выходить к людям, так что лучше с этим делом не затягивать. Может, подстеречь в лесу детей, выбравшихся по грибы-ягоды? Ага... удачная мысль... Увидев чужака, они с криком побегут в деревню: «Папа! Папа! Там маньяк в малин-

нике! Он хотел...» Далее папаня берется за топор и начинает искать меня для серьезного мужского разговора (причем не в одиночку). Начну подкарауливать единичных пешеходов – так меня подкараулят гораздо быстрее: лазутчик из меня аховый, тем более что местности не знаю, а они здесь живут с рождения. А что подумают про человека, скрывающегося от чужих взглядов по кустам и иным укрытиям? Да ничего хорошего – раз прячется, значит, имеет злой умысел. И возьмутся за вилы...

Ладно, буду держаться настороже. К толпе подходить не стану, и вообще – придется изучать реакцию, мимику, жесты, общее поведение. Как только почую недоброе – ноги в руки, и пусть попробуют догнать в этом лесу. Тело у меня, может, не такое крепкое, как оставшееся на Земле, но бегать умеет быстро – проверял уже.

* * *

Деревня располагалась километрах в пяти от побережья – я вышел к ней приблизительно через час (по субъективным ощущениям). Сосновый лес к тому времени остался позади – я шел по лиственному. В какой-то момент по курсу начало светлеть, я, предполагая, что это очередная поляна, вышел на опушку – и увидел впереди частокол.

Не забор – именно частокол, какой только в историческом фильме можно встретить. Тонкие бревнышки в полтора моих роста, вкопанные в землю одно к другому. Верхушки зловеще заточены, посреди стены виднеются основательные ворота из таких же бревнышек. Перед укреплениями выстроились острые колья в несколько рядов – зловещий наклон и различная высота: могут пропороть брюхо как человеку, так и животному размером с лошадь. Огражденная территория не просматривается – выглядывают лишь верхушки двускатных крыш.

И тишина.

Выбрав удобное дерево, я забрался на несколько метров вверх и с этой позиции смог изучить внутреннюю территорию деревни. Изучать особо нечего: восемь низких, будто вросших в землю домов с потемневшими двускатными крышами, жмущиеся к ним какие-то сараи, колодец по центру – даже деревянное ведро под аккуратным навесом разглядел.

Ни человека, ни собаки, ни коровы – лишь одинокая курица бродит.

Может, жители по делам пошли? На поле работать или еще куда? Кстати, так оно, наверное, и есть: крестьянам в разгар дня дома делать нечего. Они ведь пахут от зари до зари.

А вдруг здесь живут не крестьяне? Серьезных полей не видно, а из огородов только несколько несолидных грядок у реки. Раз не видно – значит, они далеко: отсюда не разглядеть. Может, их лес от меня закрывает. А какой смысл заниматься земледелием вдали от деревни? Смысл простой: им занимаются там, где имеется плодородная земля. А вот саму деревню строят в месте, удобном для жизни, в данном случае – еще и для обороны. Частокол ведь не от бурундуков поставлен – от простого зверья забора хватит. Следов серьезных монстров за время странствий не заметил, так что сомневаюсь, что здесь водятся динозавры. А народ здешний явно чего-то опасается: вон как расположились – в излучине речушки... с трех сторон вода прикрывает. Да и берега там высокие – нелегко забираться при штурме. Живут как в крепости, а хозяйство держат в стороне. На рыбалку за пять кэмэ им ведь не лень бегать? Так же и с остальным.

Раз население отправилось на работу, внутри, судя по отсутствию серьезного движения (единичная курица не считается), остались только древние старики. Максимум – сторож сидит за воротами. Стоп, а дети? Ну... старшие тоже на полях пахут, а кто помладше – в лесу малину собирает. Какая малина? Ягод же еще нет, сам видел. Ну... тогда жимолость или грибы. Да и какая мне разница, что они там заготавливают – пусть хоть шишки на сосновое варенье.

Спустился вниз. Попугай, согнанный при карабканье на дерево, тут же вернулся на законное место – передвигаться самостоятельно он теперь считал ниже своего достоинства.

– Так, Зеленый, готовься – если что, придется быстро сматываться: мы выходим к людям.

Выбравшись из леса, медленно направился к деревне, всем своим видом демонстрируя, какой я положительный и безобидный, вдруг сторож в щелочку поглядывает, поглаживая ложе взведенного арбалета. Подойдя ближе, заметил новую деталь: ворота подпирала увесистая палка. Вроде бы так раньше в деревнях делали, когда дома никого не оставалось... хотя и не уверен. Это что получается: все здешнее население куда-то дружно убралось?

Остановившись в нескольких шагах от ворот, деликатно кашлянул, подсказывая вероятным наблюдателям, что готов к диалогу. Ввиду странностей с овладением местным языком я мог им сказать лишь то, что услышал от попугая. Не думаю, что фразы вроде «Плевки ходячие» помогут в налаживании дружеских отношений, – вот и пришлось прибегать к неопределенным звукам, провоцируя на ответ.

Тишина.

Вздыхнув, прибегнул к помощи русского языка:

– Здравствуйте! Я – мирный путник! У вас не найдется несколько миллиграммов изотопа криптона восемьдесят шесть и чего-нибудь пожрать?!

Опять тишина. Они надо мной издеваются, что ли? Или заманивают? Или побежали в амбар за бочкой с изотопами?

Зеленый тоже решил внести вклад в диалог и зловеще предложил:

– предадим всех огню?

– Потихе ты – сила сегодня не на нашей стороне! Хотя идея мне понравилась...

Попугай, видимо, сочтя мои слова сигналом к началу атаки, взлетел и исчез за частоколом. Реакции на этот авианалет не последовало – я уже не верил, что в деревне имеется хоть одна живая душа.

Ворота оказались незаперты – я раскрыл их легко, но с жутким скрипом: наверное, даже на побережье было слышно. Никто на шум не появился – все так же тихо.

Осторожно вошел, огляделся – ничего нового не усмотрел. Те же домишки-сарай, одинокая курица и классическое деревенское амбре – запахи сена и навоза.

«Хозяин, здесь никого нет! Ура! Мародерство форева! Хватаем все, что унесем, – и ходу, пока нас не застукали!»

Придерживая жабу за поводок, неспешно обошел деревню по периметру. Никого не встретил, если не считать той самой курицы-одиночки, проворно умчавшейся от меня за угол. Частокол цел – ни брешей, ни перекошенных бревен. Избы, несмотря на темный цвет стен и теса на крышах, оказались новыми – просто древесина чем-то обработана. Явно незаброшенные, хотя и несовременной конструкции: слишком низкие, далеко распластавшиеся скаты опускаются почти до земли, образуя навесы для поленниц; стены засыпаны по самые окошки. Окошки, кстати, затянуты мутной пленкой неизвестного происхождения – стекла или слюды нигде не заметил.

Наконец решился заглянуть в первый дом. Отличий от встреченной ранее хижины нашел немного – внутри так же пусто. Голые топчаны из небрежно отесанных расколотых бревнышек, столы из такого же материала, печи из камней и глины, без дымоходов, потолки черны от сажи. Никаких признаков еды и ценных предметов – даже разбитого горшка не нашел.

В остальных домах дела обстояли аналогично – пропавшие жители, похоже, утащили с собой абсолютно все. В сараях дела ничем не лучше: я нашел там лишь навоз, солому и сено – ничто из этого богатого списка мою жабу не соблазнило.

Вот так облом...

Из ценного имущества здесь остались лишь дома и частокол... ни то ни другое мне даром не нужно. Деревню обнесли подчистую. Ни малейших следов паники или спешки – здешние куркули медленно, без суеты погрузили все материальные ценности на телеги и уехали, оставив

меня ни с чем. Они не на поля свои уехали – они вообще уехали. Не верю, что после такого решат вернуться. Ждать их бессмысленно...

Хотя кое-что они все же мне оставили. Оглядевшись, приметил ту самую курицу – глупая птица бродила возле колодца, время от времени что-то поклевывая. Мой вчерашний ужин состоял из поджаренных лягушек, сегодня на завтрак было то же самое с десертом из жимолости – после первой пробы ягод негативных симптомов не последовало, вот и решился.

С меня такой диеты хватит: этим вечером полакомлюсь курятиной...

При моем приближении птица насторожилась и отошла в сторону, уступая дорогу. Но я подкорректировал курс, продолжая идти на сближение. Курица оказалась не столь уж безмозглой – быстро сложила два плюс два и с паническими воплями принялась спасаться от преследователя. Ну а я начал за ней гоняться, позабыв про все остальное, в том числе и про бдительность, – в очередной раз сглупил.

Когда мне после долгих и героических усилий удалось загнать паникующую птицу в угол между домом и сараем и я уже почувствовал во рту вкус хорошо прожаренной куриной грудки, за спиной лязгнули металлом и как-то нехорошо всхрипнули – почти как тот медведь перед атакой.

Голова тут же услужливо нарисовала хреновый образ: ко мне подкрадывается окровавленный топтыгин с железными когтями и титановыми клыками.

Похолодев, обернулся, инстинктивно отступая вслед за курицей, – все в ту же ловушку из стен. Черная лошадь с белым длинным пятном на голове – храпела, надеюсь, она. В седле – всадник: коренастый мордатый мужик с небрежно обрезанной бородой, топорщащейся над опущенным нижним забралом. Раз имеется забрало (даже два – они будто пасть образуют: даже зубы стилизованные имеются), то, само собой, есть и шлем – основательная железная полусфера. И вообще много чего имеется: сложное металлически-кожаное сооружение, прикрывающее все тело, кольчужная юбка из больших колец, свешивающаяся ниже, огромное толстое копье со зловещим крюком ниже наконечника, удерживаемое в вертикальном положении.

И очень недобрый взгляд, устремленный на меня.

Прикинув радиус поражения копья и свою тактически проигрышную позицию, я понял, что с этим «Конаном-варваром» надо обязательно подружиться (любая альтернатива нежелательна).

Подняв правую руку, я продемонстрировал раскрытую ладонь, улыбнулся – полный набор интернациональных жестов миролюбия. Сказать при этом ничего не сказал – все по тем же лингвистическим причинам.

«Конан» дружить не стал, зычно выкрикнул:

– Сюда все – гляньте, что я нашел.

Зрители появились очень быстро – еще парочка аналогично экипированных мужчин, таких же бородатых и мрачных. Я погрустнел еще больше – тут и так шансов не было, а уж с тремя...

Один, самый крупногабаритный из всей троицы, подъехав поближе, чуть свесился, взглянул мне в глаза, резко рявкнул:

– Кто ты будешь?

И что мне ему отвечать? «В этом кабаке подают свежее пиво»?

Пришлось промолчать – вместо слов продемонстрировал еще одну улыбку.

– Ишь... скалитися еще, – сквозь зубы прошипел мужик, подав коня назад.

Похоже, улыбаюсь я как-то не так...

– Немой? Или?... – как-то непонятно спросил тот, что меня нашел.

– Не ведаю – похоже, слышит хорошо, а немые редко ушами владеют. А для простых ходунов больно чист с виду – одежда недавно стиральная. А ну рубаху подними! – Это уже ко мне.

Мне ничего не оставалось, как подчиниться: закатал одежду под шею.

Первый присвистнул:

– Глянь, какой синячище на боку, и подпалины на шкуре свежие. Эй! Откуда у тебя это?! Цезер, он не отвечает ничего, да и раны похожи на те, что у обращенных бывают.

– Надо его проверить, – ответил здоровяк (видимо, его зовут Цезер). – Хис, давай на воротах проверим. Ликсар, гони его следом.

Молчун направился к воротам (значит, Хис), тот, что меня застиг при ловле курицы, пнул древком копья в бок, заставляя идти туда же (получается, это Ликсар: знание – сила, и надо запоминать все).

Когда добрался до ворот, увидел настораживающую картину – Хис, остановившись под перекладной проема, деловито, с явным знанием дела завязывал на конце веревки петлю. Диаметр петли бы характерным – как раз голова пролезет. Сомнений по поводу упомянутого до этого «испытания» теперь не было, и я начал лихорадочно думать, как бы выпутаться из этой не очень перспективной ситуации.

Насчет бежать – сразу пас: до леса добраться мне не дадут, лошади – твари быстрые. Шмыгнуть назад, в деревню, – это значит оказаться в ловушке частокола. Перелезть через него, конечно, можно, но не со всадниками за спиной: копьями подсадят.

Вот же гадство – на объекте меня почему-то не научили выкручиваться из таких переделок. Может, и правда стоило на месяц-другой задержаться? Глядишь, и получил бы так необходимые сейчас знания...

Захлопали крылья, на плечо приземлился Зеленый, тут же, не тратя время, начал прилизывать перья на брюхе. В поведении окружающих мгновенно произошли существенные перемены: Хис, уже закидывающий второй конец веревки через проем, замер; Ликсар подал лошадь назад, явно не желая находиться рядом со мной; Цезер, вытаращившись на птицу, ошеломленно поинтересовался:

– Это твой попугай?!

Что будет, если отвечу «нет»? Я получу статус «человек без попугая». А человека без попугая они только что собирались вешать на воротах. Лучше уж скажу «да» – может, они передумают.

Или казнят более мучительным способом...

Я кивнул.

Тройка «конанов» издала дружный вздох, затем Хис, едва не уронив веревку, охнул:

– Да он, наверное, страж! Хотя больно уж молод – разве бывают такие стражи?!

Цезер недоверчиво уточнил:

– Ты – страж?

Врать так врать – опять кивнул, догадываясь, что ответ «нет» может завести наши отношения в невыгодную для меня стартовую позицию.

Всадники начали озиаться друг на друга – они явно растерялись. Наконец тот, что Цезер (явно главный), приказал:

– Хис, посади его за спину – с нами поедет. Это точно нормальный – попугай на обращенного не сядет. И на дема тоже. Наверное... Уж не знаю, что с ним приключилось, но немых стражей не бывает. Надо к сэру Флорису отвезти – это он должен решать. Проверим Напу – и к нему быстрее.

* * *

На лошади мне ездить доводилось два раза в жизни. Один раз в детстве – на пони; второй – на объекте. Разумеется, в бункер коня никто доставлять не стал: меня вывезли на какую-то подозрительную ферму, где почти целый день я учился запрягать разных четвероногих в

телеги, седлал их, чистил. Ну и, само собой, катался. Кавалериста из меня, конечно, не сделали, но общее представление получил.

Спина Хиса воняла дубленой кожей и потом, седло скрипело под весом его туши и амуниции, лошадка неторопливо шагала по лесу вслед за Цезером. Оглядываясь, я каждый раз натывался на колющий взгляд Ликсара – тот замыкал колонну, явно контролируя мое поведение.

А еще я заметил, что Хис очень странно косится на попугая – с явной опаской. Зеленому я был благодарен – он каким-то образом одним фактом своего появления избавил меня от намечающихся проблем. Но поведение всадника настораживало: похоже, мой птиц чем-то его напрягает. Пернатый столь небезобиден, что его боятся местные рыцари? Неужто я наконец обзавелся ценным бонусом, классикой жанра – миниатюрным смертоносным говорящим драконом с массой полезных опций? Не очень-то он похож на такое грозное существо... Надо будет этот вопрос прояснить, если переживу встречу с загадочным сэром Флорисом.

Впереди начало светлеть – подъезжали к опушке леса. Цезер, внезапно остановившись, поднял левую руку:

– Сэр страж, слезайте. Я вижу, в Напе действительно нелады – как бы драки не вышло. Идите следом – и не попадите под копыта, если дело до копий дойдет.

Чудненько – может, слинять под шумок? Хотя не стоит – с этими хоть какой-то контакт наладить удалось, другие могут опять за веревку взяться. И если говорящий птиц вовремя не появится, то...

Всадники между тем перегруппировались – встали в одну линию. Затем опустили копыта и, прищипывая лошадей, помчались к опушке. Я осторожно направился следом, сильно отстав.

Когда вышел из леса, всадники уже не скакали – стояли посреди того, что еще совсем недавно было, по-видимому, такой же деревней, как та, в которой я попался на попытке кражи курицы. Тот же частокол, дома, сараи. Только далеко не так аккуратно покинута: здесь отъезд был жестким.

На первый взгляд через деревню на полном ходу прошел танковый взвод в развернутом порядке, после чего поработали огнеметчики. Колья, прикрывающие дальние подступы, снесены во многих местах. Частокол там зиял огромными проломами – бревна были вырваны из земли с такой силой, что некоторые отбросило на десятки метров. На месте большинства домов дымились груды обгорелой древесины – лишь парочка неповрежденных осталась. Когда подошел к выбитым воротам, увидел груды внутренностей и мяса – с трудом опознал в этом непотребстве останки лошади. А когда пробрался мимо нее и оглянулся на створку ворот, не сдержался – согнулся в три погибели, залив землю содержимым желудка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.